

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра российской истории

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

доцент, канд. ист. наук,

Ж.А. Рожнёва

« 07 » 06 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

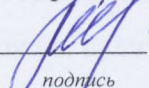
**СЕЛЬКУПЫ И СЕВЕРНЫЕ АЛТАЙЦЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

По основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Сидорова Тамара Александровна

Руководитель ВКР

д-р ист. наук, профессор

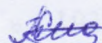

Л.И. Шерстова

« 3 » июня 2019 г.

Автор работы

студентка группы № 031501

Т.А. Сидорова

подпись

Томск 2019

АННОТАЦИЯ

Объект исследования - история и культура народов Сибири в XIX – первой трети XX века.

Предмет исследования – особенности этнической истории и культуры селькупов и северных алтайцев.

Целью работы является выявление в культуре селькупов и северных алтайцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) Выделить особенности этногенеза народов Северного Алтая и нарымских селькупов;
- 2) Установить ареалы расселения и основные этнические группы селькупов и северных алтайцев;
- 3) Выявить общее и особенное в хозяйстве и основных занятиях селькупов и северных алтайцев;
- 4) Рассмотреть национальную одежду, изучить особенности национальной кухни (пища, утварь, способ приготовления), выявить общее и особенное;
- 5) Изучить мифологические представления селькупов и народов Северного Алтая, выявить общие и особенные сюжеты;
- 6) Проследить изменчивость традиционной обрядности селькупов и северных алтайцев, выявить общие черты.

Хронологические рамки исследования XIX – первая треть XX вв. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в данный промежуток времени формировался основной фонд этнографических источников, по которым можно судить о выделении разных групп алтайцев и селькупов, закрепление современных этнонимов. Однако, по некоторым проблемам, автором используются более ранние источники, в частности, при рассмотрении вопроса этногенеза северных алтайцев и селькупов. Другой причиной выбора таких хронологических рамок послужило образование в 1932 году Тымского национального района, куда были переселены инородцы, что послужило причиной разрушения устоявшихся границ расселения нарымских селькупов, вынужденных переселиться в район р. Тым.

Территориальные рамки исследования. Территория исследования ограничена районами Северного Алтая (для изучения кумандинцев, челканцев, тубаларов) и Нарымским краем (для изучения южной группы селькупов).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении автор объясняет актуальность выбранной темы, рассматривает ее степень изученности, определяет объект и предмет исследования, формулирует цель и задачи работы, обосновывает выбор хронологических и территориальных рамок исследования, дает характеристику источниковой базы и теоретико – методологической основы работы.

В первой главе «Некоторые вопросы этногенеза селькупов и северных алтайцев» в первом и втором разделе автор представляет существующие на настоящий момент гипотезы происхождения изучаемых народов и формулирует собственную позицию по данной проблеме. Таким образом, данные разделы имеют, скорее, историографический характер. Во втором разделе автор определяет этнонимы и территорию проживания селькупов и северных алтайцев.

Вторая глава «Материальная культура селькупов и северных алтайцев» состоит из двух разделов, в каждом из которых автор рассматривает элементы материальной культуры с целью выявления общего и особенного у селькупов и северных алтайцев. В первом разделе рассматривается хозяйственная деятельность и основные занятия, во втором – национальная кухня и одежда.

Третья глава «Духовная культура селькупов и северных алтайцев» посвящена рассмотрению и сравнению элементов духовной культуры северных алтайцев и селькупов. В первом разделе автор изучает мифологические представления этносов, во втором – некоторые элементы семейной обрядности.

В заключении автор предоставляет результаты работы, делает вывод о наличии / отсутствии древних этногенетических связей селькупов и северных алтайцев.

Список использованной литературы и источников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1 Некоторые вопросы этногенеза нарымских селькупов и северных алтайцев	11
1.1 Этногенез нарымских селькупов.....	11
1.2 Этногенез северных алтайцев.....	15
1.3 Расселение и основные этнические группы	18
Глава 2 Материальная культура нарымских селькупов и северных алтайцев	22
2.1 Хозяйство и основные занятия	22
2.2 Национальная кухня и одежда.....	34
Глава 3 Духовная культура нарымских селькупов и северных алтайцев	49
3.1 Мифологические представления	49
3.2 Некоторые черты традиционной обрядности	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	70
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ А	83
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана в первую очередь с ростом национального самосознания, что может осложнить межэтнические отношения как на территории Сибири, так и в России в целом, так как национальные идеологии содержат этнические мифы, в том числе, об этногенезе. Поэтому изучение этногенеза необходимо для критического отношения к этническим мифам и возможной реконструкции этноисторических процессов в Северной Евразии. Однако для решения вопроса происхождения народа необходимо подробно изучить особенности его материальной и духовной культуры.

Сегодня особенно остро стоит проблема сохранения традиционной культуры. В последние годы наблюдается рост интереса людей к проблемам малых сибирских народов. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, а также их местные организации выступают за сохранение и возрождение культуры. Помимо этого, реализуются различные социальные проекты. Так, к примеру, в 2018 журналисты ТВ 2 совершили экспедиции к селькупам и челканцам, результаты которых были представлены общественности в форме статей и видеофильмов¹. Студенты Высшей школы журналистики ТГУ по окончании собственной экспедиции к парабельским селькупам создали сайт, на котором представлены все результаты экспедиции в разных формах (статьи, фотографии, видеофильмы)². Желание сохранить или же возродить традиционную культуру вполне объяснимо, так как традиционная культура является основой этнической идентификации. Однако здесь возникает главная проблема, попытки реконструкции, безусловно, существуют, но, к сожалению, они очень редко оказываются успешными, чаще всего все сводится к чрезмерному выдумыванию несуществующих элементов, которые могут более ярко представить народ. Для того чтобы избежать подобного и сделать реконструкцию максимально достоверной необходимо тщательно изучить культурные особенности. Автор надеется, что данная работа сможет послужить одним из оснований для реконструкции традиционной культуры.

Говоря о самодийских народах, автор, в первую очередь, имеет в виду селькупов, проживающих на территории Томской области, под северными алтайцам она понимает кумандинцев, челканцев, тубаларов, проживающих в Республике Алтай. Выбор темы

¹ Экспедиция ТВ 2. Маннани Пиледэ – родная деревня [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. URL: <http://tv2.today/Istorii/Manani – pelede – – rodnaya – derevnya> (дата обращения: 13.01. 2018); Экспедиция ТВ 2. Хочешь быть челканцем – в суд! [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. URL: <http://tv2.today/Istorii/Hochesh – byt – chelkancem – – v – sud> (дата обращения: 6.03. 2018).

² Вы нас даже не представляете [Электронный ресурс] // Селькупы: сохранить как. Большой проект о малом народе. Томск, 2018. URL: <https://selkup.space/> (дата обращения: 20.01. 2019).

исследования обусловлен, во-первых, смежностью территорий их обитания в дорусский период, что могло стать причиной их общего происхождения. Во-вторых, северные алтайцы, как и селькупы, проживают в таежной местности, отличия в том, что их территория еще и горная. Существуют гипотезы об этногенетических связях селькупов и северных алтайцев, о южных самодийцах тюркизированными потомками которых считают народы Северного Алтая, о наличии самодийского субстрата в этногенезе северных алтайцев.

Степень изученности темы. Необходимо отметить, что автору не известны работы, в которых бы проводился сравнительный анализ культуры нарымских селькупов и северных алтайцев, поэтому провести историографический обзор данной темы не представляется возможным. Однако существуют исследования, направленные на решение вопроса этногенеза, рассмотрения разных аспектов материальной и духовной культуры изучаемых народов.

Историко-этнологические исследования. Большая часть исследований по данной теме принадлежит ученым этнологам. В исследованиях Г.И. Пелих³, З.П. Соколовой⁴, А.В. Головнева⁵, А.Г. Тучкова⁶, Н.А. Тучковой⁷ большое внимание уделяется вопросам этногенеза, этнической истории и материальной культуры селькупов. Проблемам происхождения, истории и материальной культуре северных алтайцев посвящены работы Ф.А. Сатлаева⁸, Л.П. Потапова⁹, В.Д. Славнина¹⁰, Л.И. Шерстовой¹¹, Д.А. Функа¹², И.И. Назарова¹³, Бельгибаева¹⁴ и других. Изучением духовной культуры селькупов занимались

³Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края...Томск, 1955. Т. 14. С. 225; Она же. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края. М., 1962. Т. IV. С.176 – 196; Она же. Селькупы XVII века (очерки социально – экономической истории). Новосибирск, 1981.176 с.

⁴Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 89 – 117.

⁵Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо – Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с., Он же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

⁶Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 165 – 205.

⁷Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства. (XIX–XX вв). Томск, 1999. 199 с; Она же. Верхняя плечевая одежда южных селькупов: разновидность и номинация // Пространство культуры в археолого – этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 85–88.

⁸Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. 199 с.

⁹Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953. 442 с.; Он же. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 52–66; Он же. Заметка о происхождении челканцев – лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 304 – 313; и др.

¹⁰Славнин В.Д. Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 86 – 95.

¹¹Шерстова Л.И. Самодийские этнонимы в социальной структуре и этногенезе народов Северного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. научн. конф. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 45 – 48; Она же. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. Томск, 2015. Вып. № 395. С. 142 – 146.

¹²Функ Д.А. Тубалары. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 491 – 494, Он же. Челканцы. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.463 – 466.

¹³Назаров И.И. Кумандинцы // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 324 – 376.

¹⁴Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 472 – 480.

Е.Д. Прокофьева¹⁵, Г.И. Пелих¹⁶, И.Н. Гемуев¹⁷, Н.А. Тучкова¹⁸. Духовной культуре северных алтайцев посвящены работы В.Д. Славнина¹⁹. Особый интерес представляет работа А.М. Сагалаева²⁰, в которой автор вводит понятие «урало-алтайская мифология» и проводит сравнение мировоззрений соседствующих друг с другом сибирских народов.

Археологические исследования. Для проведения любого исследования по этнологии нельзя оставить без внимания археологические источники. Их значимость для этнологов велика, в следствие того, что сами исследователи народов редко принимают участие в полевой археологической работе, они вынуждены обращаться к опубликованным исследованиям специалистов. Для автора ценнейшими материалами для решения вопроса этногенеза, а также для проведения сравнительного анализа особенностей материальной культуры и погребальной обрядности изучаемых народов послужили научные работы археологов. Остановимся на некоторых из них.

Большой вклад в изучение этногенеза селькупов внесла Л.А. Чиндина. На материалах раскопок могильников, она предложила свою теорию возникновения селькупов в Среднем Приобье²¹. Немногим позже А.И. Боброва продолжила изучение селькупов через призму археологических данных. Территория ее исследования ограничена Нарымским Приобьем, множество работ посвящено изучению населения бассейна р. Тым. Вслед за Л.И.Чиндиной, используя информацию, полученную в ходе собственных археологических раскопок могильников, исследовательница делает выводы об этногенезе селькупов. Помимо решения вопроса происхождения нарымских селькупов, археолог публикует уникальные сведения об этнической истории, материальной, духовной культуре народа²². В.А. Могильников²³ и В.И.

¹⁵ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Труды Института этнографии. Москва; Ленинград, 1952. Т.23. С. 88 – 107; Она же. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко – самоедского) шамана // Сб. МАЭ. М. – Л., 1949. Т. 11. С. 335 – 375.

¹⁶ Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.

¹⁷ Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86 – 139; Он же. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.

¹⁸ Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327; Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким – Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. 382 с; Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных. Томск, 2018. 634 с.

¹⁹ Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1991. С. 179 – 218.

²⁰ Сагалаев А.М. Урало – алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

²¹ Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири //Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 183 – 184; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 184 с; Она же. У истоков истории селькупов // Северная книга. Томск, 1993. С. 47–50.

²² Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально – поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 301–321; Боброва А.И., Воробьев А.А. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении Нарымских селькупов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. №5. С.163 – 171; Она же. Селькупы XVIII – XIX ввв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007. – 176 с; Она же. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности

Молодин²⁴ в своих исследованиях высказывали противоположную Л.И. Чиндиной и А.И. Бобровой точку зрения, предлагая свою версию этногенеза самодийцев и северных алтайцев.

Данные лингвистики представлены как работами путешественников, так и местных исследователей. Благодаря финскому ученому М.А. Кастрену отечественные исследователи получили сведения об языках, расселении, этнонимах сибирских инородцев²⁵. Томский лингвист А.П. Дульзон привлекал данные топонимики для решения вопроса этногенеза селькупов²⁶.

Физическая антропология и генетика. Данный раздел включает в себя совсем немного работ. Физический антрополог В.П. Алексеев²⁷ по антропологическому типу определил близость северных алтайцев с самодийцами. В последние годы появляются статьи, в которых рассматривается этногенез селькупов с позиции генетики. Все они принадлежат авторству В.Г. Волкова²⁸.

Объектом исследования является история и культура народов Сибири в XIX – первой трети XX века.

Предметом – особенности этнической истории и культуры селькупов и северных алтайцев.

Целью работы является выявление в культуре селькупов и северных алтайцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Выделить особенности этногенеза народов Северного Алтая и нарымских селькупов;
2. Установить ареалы расселения и основные этнические группы селькупов и северных алтайцев;

памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. С. 254 – 256; Она же. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников). Томск, 2016. С. 7–117.

²³ Могильников В.А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 65.

²⁴ Молодин В.И. Воевода Т.А., Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. 286 с.

²⁵ Кастрен А.М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860.; Он же. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. 352 с.

²⁶ Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 175–187.; Он же. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М. – Л., 1960.; Он же. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361–371.; и др.

²⁷ Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высш. школа, 1979. – 216 с.

²⁸ Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2013. Вып. 1 (1). С. 79 – 97; Он же. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 4(10). С. 109–122.; и др.

3. Выявить общее и особенное в хозяйстве и основных занятиях селькупов и северных алтайцев;
4. Рассмотреть национальную одежду, изучить особенности национальной кухни (пища, утварь, способ приготовления), выявить общее и особенное;
5. Изучить мифологию и религиозные представления селькупов и народов Северного Алтая, выявить общие и особенные сюжеты;
6. Проследить изменчивость традиционной обрядности селькупов и северных алтайцев, выявить общие черты.

Хронологические рамки исследования XIX – первая треть XX вв. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в данный промежуток времени формировался основной фонд этнографических источников, по которым можно судить о выделении разных групп алтайцев и селькупов, закрепление современных этнонимов. Однако, по некоторым проблемам, автором используются более ранние источники, в частности, при рассмотрении вопроса этногенеза северных алтайцев и селькупов. Другой причиной выбора таких хронологических рамок послужило образование в 1932 году Тымского национального района, куда были переселены инородцы, что послужило причиной разрушения устоявшихся границ расселения нарымских селькупов, вынужденных переселиться в район р. Тым.

Территориальные рамки исследования. Территория исследования ограничена районами Северного Алтая (для изучения кумандинцев, челканцев, тубаларов) и Нарымским краем (для изучения южной группы селькупов).

Методы исследования: общенаучные методы: анализ и синтез, служащие для выделения субстратов (компонентов) в этногенезе и культуре изучаемых народов; нарративный метод применяется для связного изложения имеющейся в источниках информации, метод аналогии позволяет выявить общие черты у изучаемых народов используя имеющиеся критерии для сравнения. Специальные методы: сравнительно – исторический, который применяется автором для проведения сравнения селькупов и северных алтайцев с учетом выявленных особенностей. В исследовании используется метод историко-этнокультурного картографирования, его суть заключается в локализации на карте мест проживания различных этносов с районированием разнообразных внутренних этнокультурных подразделений. Работа построена на принципе междисциплинарного подхода. В данном случае междисциплинарность заключается в привлечении исследований этнологов, археологов, лингвистов, физических антропологов и генетиков.

Методологической базой работы является работа Р.Ф. Итса «Введение в этнографию», в которой представлены основные положения теории этнологии, а именно затронута

проблема проведения этнографических параллелей²⁹. Для проведения сравнительного анализа духовной культуры автор использовала методику, разработанную А.М. Сагалаевым³⁰.

Для проведения сравнительного анализа автор выделяет следующие маркеры. В хозяйственной деятельности и материальной культуре это рыболовный и охотничий инвентарь, предметы собирательства, жилище, пища и пищевые запреты, национальный костюм; в духовной – мифологические представления и традиционная обрядность. Такие критерии для сравнения были выбраны в связи с тем, что в данных культурных элементах возможно сохранение архаичных черт. ВКР не предполагает проведение более детального анализа. Это может стать темой дальнейших исследований.

Для характеристики **источниковой базы работы** автор принимает за основу типологизацию, разработанную И.Д. Ковальченко. Источники сгруппированы в соответствии с типологической принадлежностью: вещественные, письменные, изобразительные. Автор не использует понятие «этнографический источник», так как считает, что все вышеперечисленные типы источников в данной работе можно отнести к этнографическим. Письменные исторические источники представлены в соответствии с видовой классификацией, предложенной Л.Н. Пушкаревым³¹, однако в связи со спецификой работы отдельной группой выделены отчеты и записки миссионеров.

Вещественные источники. Данная группа источников представлена предметами этнографических фондов МАЭС ТГУ³². Работа с вещественными источниками позволяет автору наглядно сравнить предметы материальной (одежда, посуда, рыболовный и охотничий инвентарь и тд.) и духовной (предметы культа, фетиши, шаманские атрибуты и тд.) культуры изучаемых этносов. В большей степени здесь представлены материалы, относящиеся к нарымским селькупам, кумандинцам и шорцам. Все предметы поступили в МАЭС в период с к.ХІХ – 1/3 ХХ веков, что соответствует хронологическим рамкам работы.

Письменные источники.

Путевые заметки. На настоящий момент существует целый комплекс путевых отчетов, заметок путешественников, ученых. Эта группа является главной источниковой базой работы. В нее входят путевые заметки Г.Ф. Миллера³³, К. Доннера³⁴, В.В. Радлова³⁵,

²⁹ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. 167 с.

³⁰ Сагалаев А.М. Урало – алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

³¹ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: 1975. С. 265.

³² Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии.

³³ Миллер Г. – Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 172–186.

³⁴ Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. 176 с.

³⁵ Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с; Путешествие д – ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану/ пер. Н.А. Кострова. Томск, 1881. 95 с.

которые содержат в себе самые первые сведения об этнографических и природных особенностях региона. Отдельно стоит выделить М.А. Кастрена³⁶, который собрал уникальные сведения о расселении и этнических группах южных селькупов. Таким образом, эта группа источников дает нам общее представление об этносах, этнолокальных группах, природно-культурных ареалах их расселения.

Отчеты и записки миссионеров. При рассмотрении проблемы христианизации сибирских аборигенов, в условиях конфессионального разнообразия данная группа источников представляет для автора особую ценность. Чаще всего такие отчеты помимо вопросов, касающихся духовной миссии содержат в себе этнографическое описание народов, их образа жизни, предметов материальной и духовной культуры, природы региона. В данной работе эта группа источников представлена отчетами и сборником тематических статей протоиерея В.И. Вербицкого³⁷.

Статистические данные. Этот корпус источников представлен экономико-статистическими и историко-краеведческими обзорами А.Ф. Плотникова³⁸, С.К. Патканова³⁹, В.Я. Нагнибеды⁴⁰, Е.Н. Орловой⁴¹, на основании которых возможно сделать вывод о численности этносов, а также об их этническом самосознании.

Документальные источники представлены сборником «Вехи патернализма»⁴². В этом сборнике содержатся документы, имеющие значение для изучения инородцев томского Севера.

Изобразительные источники. Фотодокументы. Для получения визуальной информации о представителях этноса, сравнения предметов быта и культа, работать с которыми напрямую нет возможности по ряду причин, автор прибегает к работе с фотодокументами. Подавляющее большинство источников данной группы хранятся в фотоархиве МАЭС ТГУ. Бесценными источниками для изучения родового состава и

³⁶ Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849 гг.) // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т.6. Ч. 2. 495 с.

³⁷ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / Под ред. А. А. Ивановского. Горно – Алтайск, 1893. 270 с.

Он же. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Том. епарх. ведомости. 1888. С. 19 – 22.

³⁸ Плотников А.Ф. Нарымский край (5 – й стан Томского уезда, Томской губернии). Историко – статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.

³⁹ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911.

⁴⁰ Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Материалы статистико – экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды (с приложением карты и фотографических снимков). Томск, 1927.

⁴¹ Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928.

⁴² Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30 – е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. Томск: Государственный архив Томской области, 2006. 446 с.

культуры нарымских селькупов являются каталоги этнографических фотографий И.С. Фатеева⁴³ и селькупской коллекции Колпашевского краеведческого музея⁴⁴.

Картографические материалы. Эта группа источников содержит информацию о расселении изучаемых этносов, природно-географических особенностях ареалов их обитания. Необходимые сведения представлены в книге С.У. Ремезова⁴⁵, а также в атласах первой половины XX века.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении автор объясняет актуальность выбранной темы, рассматривает ее степень изученности, определяет объект и предмет исследования, формулирует цель и задачи работы, обосновывает выбор хронологических и территориальных рамок исследования, дает характеристику источниковой базы и теоретико – методологической основы работы.

В первой главе «Некоторые вопросы этногенеза селькупов и северных алтайцев» в первом и втором разделе автор представляет существующие на настоящий момент гипотезы происхождения изучаемых народов и формулирует собственную позицию по данной проблеме. Таким образом, данные разделы имеют, скорее, историографический характер. Во втором разделе автор определяет этнонимы и территорию проживания селькупов и северных алтайцев.

Вторая глава «Материальная культура селькупов и северных алтайцев» состоит из двух разделов, в каждом из которых автор рассматривает элементы материальной культуры с целью выявления общего и особенного у селькупов и северных алтайцев. В первом разделе рассматривается хозяйственная деятельность и основные занятия, во втором – национальная кухня и одежда.

Третья глава «Духовная культура селькупов и северных алтайцев» посвящена рассмотрению и сравнению элементов духовной культуры северных алтайцев и селькупов. В первом разделе автор изучает мифологические представления этносов, во втором – некоторые элементы семейной обрядности.

В заключении автор предоставляет результаты работы, делает вывод о наличии / отсутствии древних этногенетических связей селькупов и северных алтайцев.

Список использованной литературы и источников.

Приложения содержат в себе картографические материалы и фотографии

⁴³ Каталог этнографических фотографий И. С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. Томск, 2004. 106 с.

⁴⁴ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт. – сост. А. А. Пихновская. Томск: Ветер, 2007. 279 с.

⁴⁵ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб, 1882.

Глава 1 Некоторые вопросы этногенеза нарымских селькупов и северных алтайцев

Приступая к изучению культуры этноса, а тем более решаясь проводить сравнительный анализ, нельзя обойти вниманием вопрос происхождения изучаемого народа. В первую очередь необходимо предоставить определение основного понятия. Этногенез (от лат. *ethnos* - народ и *genesis* – возникновение, происхождение) – процесс возникновения и происхождения стадий развития этнических общностей; связан с образованием языка, становлением культуры, формированием самосознания⁴⁶. В данном разделе автор представит основные гипотезы историков, археологов, лингвистов, генетиков, антропологов, этнологов по этому вопросу, а также попытается обозначить свое видение решения настоящей проблемы.

1.1 Этногенез нарымских селькупов

Необходимо отметить, что автор рассматривает вопрос этногенеза лишь нарымских селькупов. Ряд этнологов посвятили свои работы происхождению северной группы селькупов, но в настоящей работе не представляется необходимым углубляться в изучение этого вопроса. Н.А. Тучкова в своей диссертации «Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных» 2018 года приводит концепции этногенеза разных ученых⁴⁷. Опираясь на сведения, изложенные Тучковой, а также непосредственно на сами исследования, посвященные этногенезу, автор считает нужным представить основные теории возникновения селькупов как этноса.

Начать разговор об этногенезе селькупов стоит с теории, выдвинутой М. А. Кастреном. Матиас Александр Кастрен науке известен, в первую очередь, как лингвист, исследователь финно-угорских и самодийских языков, однако сейчас наибольший интерес в рамках ВКР представляет его южная гипотеза возникновения селькупов. Автор не станет подробно пересказывать изыскания Кастрена, это сделано уже не в одной работе⁴⁸, а остановится непосредственно на гипотезе возникновения селькупов. В письмах статскому советнику Шёргену ученый делает важное открытие: он дифференцирует остяков и самоедов, заявляя, что «остяки Томской губернии отнюдь не остяки и не особенное, как полагает Клапрот, племя, произошедшее от смешения остяков с самоедами, а настоящие самоеды, распространившиеся от Тыма до Чулыма»⁴⁹. Он отмечает отличие в языке местных самоедов от северных и выделяет у них три диалектно – локальные группы⁵⁰. Нужно

⁴⁶ Донкова Л.Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. Улан – Удэ, 2006. С.11.

⁴⁷ Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук/ Н.А. Тучкова. Томск, 2018. С.157 – 193.

⁴⁸ Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 18 – 22.

⁴⁹ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.102.

⁵⁰ Там же. С.102.

заметить, что целью ученого был поиск этногенетических связей финнов, а самоеды играли здесь скорее сопутствующую роль. Однако исследователь решает вопрос селькупского этногенеза, о чем свидетельствует следующее утверждение. «Что самоеды вышли с Алтая – это не подлежит никакому сомнению, потому что так много ветвей этого племени открыто и часть откроется еще близ этого горного хребта»⁵¹.

В.Н. Чернецов на материалах археологических раскопок предположил, что селькупы появились в результате миграций представителей таштыкской культуры в районы Среднего Приобья. По его версии селькупы – это угры, ассимилированные таштыкскими племенами⁵². Однако в более поздних исследованиях археолог отказался от этой версии и выдвинул предположение, что предками селькупов было население культуры, сменившей кулайскую⁵³.

Продолжая тему роли лингвистов в изучении происхождения народов, автор рассматривает этногенетическую теорию известного томского лингвиста, этнографа, археолога А.П. Дульзона. Дульзон считал, что для решения вопроса этногенеза, необходимо обратиться к данным топонимики. По его мнению, процессы складывания, развития, изменения этнических групп возможно проследить по старым топонимам⁵⁴. Данное заявление он делает, ссылаясь на учение об этногенезе, предложенное С.А. Токаревым⁵⁵. Особое внимание исследователь уделяет водным топонимам – гидронимам. Выделив селькупских гидроним на «ка», он утверждал, что гидроним распространён в замкнутом ареале, совпадающем с исторической родиной селькупов⁵⁶. На основании данных топонимики, исследователь выявляет границу между селькупам и кетами на Чулыме, которая, по его версии, проходит через Асино в верховья Кети: «к западу или северо-западу отсюда проживали селькупы, к востоку или северо-востоку – кеты»⁵⁷. Селькупы, проживавшие в низовьях Чулыма избежали тюркизации, но впоследствии были ассимилированы русскими⁵⁸.

Г.И. Пелих в своей работе «Происхождение селькупов»⁵⁹ прибегает к выделению пяти этнических компонентов, послуживших, на ее взгляд, основой для образования селькупского

⁵¹Кастрен А.М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. С. 245.

⁵²Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 189.

⁵³Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. Вып. 4. М., 1971. С. 105.

⁵⁴Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 176.

⁵⁵Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949, № 3. С. 10.

⁵⁶Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 364.

⁵⁷Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 180.

⁵⁸Там же. С. 180.

⁵⁹Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

этноса. По версии Г.И.Пелих формирование селькупского этноса происходило следующим образом. В III тыс. до н. э. на территории Томско - Нарымского Приобья проживали квеликупы и маеткипы, которые стояли на одной ступени экономического развития, но при этом имели различия в важнейших этнических признаках (Компоненты «Б», «В»). Во II тыс. до н. э. на эту территорию с юга приходят киенкумы, принесшие с собой новые формы рыболовства, жилище и тд (Компонент «А»). Затем в Нарымском Приобье появляются тюркоязычные народы: теле и йаланы, а вместе с ними и новые формы материальной и, в меньшей степени, духовной культуры (Компонент «Г»). У нарымских селькупов компонент «Г» выражен крайне слабо. Наконец, в начале I тыс. до н.э. из областей Саяно-Алтайского нагорья на территории современной Томской области появляются представители самодийской группы – касакупы (Компонент «Д»). По мнению Г.И. Пелих, именно они являются предками современных селькупов⁶⁰.

З.П. Соколова из всех имеющихся на момент 1980 года этногенетических гипотез самой убедительной считала версию В.Н. Чернецова. В след за ним, она утверждает, что существует общая уральская основа, затрудняющая деление культур на угорские и самодийские. Однако З.П. Соколова отмечает, что угорская культура более древняя, нежели самодийская, а различия в культуре селькупов и хантов возникли в результате влияния самодийских племен, смешавшихся с аборигенами Среднего Приобья. Относительно вопроса происхождения селькупов, она не решаете дать однозначного ответа, объясняя это недостаточностью имеющихся сведений⁶¹.

Томский археолог Л.А. Чиндина на территории Сургуто – Нарымского Приобья выделяет кулайскую культуру, носителями которой, по версии ученой, были древние предки селькупов⁶². На основании полевых данных раскопок могильника Рёлка исследовательница провела аналогии с погребальной обрядностью селькупов XVI – XVII веков и предположила, что народов таежного Приобья преобладающим этническим компонентом был самодийский⁶³. Согласно версии Чиндиной, кулайская культурная общность соответствует позднесамодийской этноязыковой общности, которая в свою очередь представлена среднеобской группой праселькупов. Кулайцы -самодийцы, по средствам миграций, заняли всю Западно - Сибирскую равнину, в результате чего появились следующие группы праэтносов: верхнеобская, нижнеобская и среднеобская. Л.А. Чиндина считает среднеобскую группу самодийцев автохтонной. Кулайцы достигли предгорий Алтая, а с усилением

⁶⁰ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 316 – 319.

⁶¹Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 113–115.

⁶² Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 120–123.

⁶³ Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири //Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 184.

алтайских тюрок отошли и осели восточнее в Саянах. Исследовательница предполагает, что в результате миграций в IX веке тюрки, вступив в контакт с самодийцами, заняли Томской Приобье, а Сургутское Приобье оказалось заселено древнехантыйскими племенами. В этих условиях среднеобские самодийцы оказались отрезаны от северной и южной самодийской группы, такая изоляция обеспечила своеобразие селькупского этноса. Таким образом, по мнению Л.И. Чиндиной, кулайцы-самодийцы были предками представителей рёлкинской культуры, которых исследовательница причисляет к селькупам⁶⁴.

Другой томский археолог А.И.Боброва на основании данных раскопок могильников, этнографических и лингвистических исследований ученых по этой теме представила свое видение этногенеза нарымских селькупов. Вслед за Л.И. Чиндиной исследовательница считает, что в составе селькупского и праселькупского этноса можно выделить автохтонный субстрат, который в данном случае, представлен потомками кулайцев. Проведя параллель с этнографическими данными, она предположила, что таким автохтонным населением Нарымского Приобья были «квеликупы»⁶⁵. Исследовательница выделяет нарымскую археологическую культуру (к I – нач. II тысячелетия), и в погребальном обряде носителей дифференцирует три этнических компонента: тюркских, угорский и автохтонный (релкинский)⁶⁶. В начале II тыс., релкинская культура прекратила свое существование, а часть самодийцев под воздействием тюрков была вынуждена отступить на север⁶⁷. По мнению археолога, окончательно процесс формирования древнеселькупского этноса завершился к второй четверти II тыс., о чем свидетельствуют сохранившиеся у населения черты релкинского погребального обряда и керамики⁶⁸.

Известный новосибирский археолог В.И. Молодин придерживается полярной точки зрения. По его мнению, Горный Алтай – исконная территория жизни самодийцев, откуда те были вынуждены переселиться в более северные районы сначала под воздействием набегов гуннов, позже – по причине тюркизации Южной Сибири⁶⁹.

В.Г. Волков делает выводы о происхождении селькупов, опираясь на данные генетики. По материалам экспедиций 2012 и 2013 гг. в Парабельский и Верхнекетский районы он выделяет в составе генофонда южных селькупов шесть гаплогрупп, которые в

⁶⁴ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. С. 128 – 129.

⁶⁵ Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально – поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 318.

⁶⁶ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников). Томск, 2016. С. 55.

⁶⁷ Там же. С. 79 – 81.

⁶⁸ Там же. С. 86.

⁶⁹ Молодин В.И. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. Новосибирск, 2003. С. 168.

свою очередь разделил на три группы: юго - западную, восточную и северную⁷⁰. Эти группы в дальнейшем автор называет «генетическими компонентами» и пытается выявить их происхождение. Так, по его мнению, северный компонент связан с самодийцами и соотносится «либо с миграциями носителей гребенчато – ямочной культуры, либо с миграциями носителей крестовой традиции»⁷¹; восточный компонент связан с енисейцами и кетами, которые, предположительно занимали территорию Малчановского Причулымья, Нижнего Притомья, северную часть Барабы; юго-западный компонент соотносится с населением андроновской культуры, имеющих южное происхождение, и, несмотря на то, что «последний компонент роднит селькупов с хантами», по мнению Волкова, селькупы имеют все же не угорское происхождение⁷².

Н.А. Тучкова на основании собственных исследований, работ археологов, лингвистов, этнологов рассматривает вопрос этногенеза южной группы селькупов. Проанализировав лингвистические данные, сведения об оленеводстве и верхней одежде, исследовательница говорит о невозможности на настоящий момент сделать вывод о происхождении селькупов. Лингвистические данные свидетельствуют об автохтонности селькупского этноса, в то время как информация о верхней одежде и оленеводстве подтверждает гипотезы сторонников прищлости селькупов с более южных районов. Таким образом, вслед за предыдущими исследователями Н.А. Тучкова считает, что на начало II тысячелетия селькупы уже присутствовали на территории Нарымского Приобья, но однозначного ответа на вопрос этногенеза не дает⁷³.

1.2 Этногенез северных алтайцев

Протоирей В.И. Вербицкий положил начало изучению истории и культуры народов Северного Алтая. Именно он разделил все население Алтая на две группы по географическому признаку: на северных и южных. Всех северных алтайцев Вербицкий называет «черневыми татарами», сказав, что они «сомнительного происхождения», он предположил, что свое происхождение они ведут либо от монголов, либо от «финского племени только слились с народностью монгольской»⁷⁴.

В.В. Радлов разделил северных алтайцев на кумандинцев, шорцев, лебединских и черневых татар. Собственно, этноним «северные алтайцы» он не использовал, называя эти

⁷⁰ Волков В.Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Томск, 2015. Вып. 4 (10). С.109 – 110.

⁷¹ Волков В.Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Томск, 2015. Вып. 4 (10). С. 116.

⁷² Там же. С.116 – 117.

⁷³ Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук/ Н.А. Тучкова. Томск, 2018. С.181 – 192.

⁷⁴ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого. Горно – Алтайск, 1893. С.7.

народы «татарами Северного Алтая». Исследователь, ссылаясь на лингвистические данные, предположил, что черневые татары – это самодийцы, тюркизированные киргизами⁷⁵.

Л.П. Потапов предположил, что в формировании северных алтайцев участвовали представители самодийских, тюркских, кетских и угорских этносов⁷⁶. Исследователь считал, что гипотеза этногенеза тубаларов В.В. Радлова не совсем верная, так как, по мнению ученого, тубалары – это не просто тюркизированные самодийцы, а этнос, состоящий из смешения тюркских и самодийских компонентов⁷⁷. Решая вопрос происхождения челканцев, автор пришел к выводу, что у них существовало два экзогамных сеока, каждый из которых имеет собственное происхождение⁷⁸. Так у челканцев сеока Шакшылык автор выявил этногенетические связи с телесами, что является доказательством наличия тюркского субстрата в этногенезе сеока, относительно происхождения рода Чалканыг исследователь не спешит делать выводов в силу скудности имеющихся этнографических материалов⁷⁹.

Физический антрополог В.П. Алексеев выделил на территории СССР десять этнических пучков⁸⁰. Северных алтайцев ученый отнес к западносибирскому пучку. По мнению исследователя, северные алтайцы по антропологическому типу более родственны самодийцам и приближены к угорским народам, чем к другим народам Южной Сибири. Ученый предполагал, что западносибирский этногенетический пучок сформировался в эпоху неолита⁸¹.

В.А. Могильников в своих работах причисляет население каракольской и окуневской культур к самодийцам, тем самым расширяет ареал расселения прасамодийцев на юг во второй половине II тысячелетия до н.э.⁸².

По версии, предложенной А.М. Малолетко, предки самодийцев мигрировали из Передней Азии в Южную Туркмению, оттуда вследствие неблагоприятного климата на рубеже II и III тыс. до н.э. с северных предгорий Средней Азии двинулись на восток, достигнув Иртыша и Оби, они заняли лесную зону Западносибирской равнины⁸³. Исследователь связывает происхождение северных алтайцев с миграциями кулайского

⁷⁵Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. С. 92 – 93.

⁷⁶Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М. – Л., 1953. С. 161.

⁷⁷Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М, 1972. С. 66.

⁷⁸Потапов Л.П. Заметка о происхождении челканцев – лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Вып. 4.С. 308.

⁷⁹Там же. С. 311 – 12.

⁸⁰Прим.: Этнические пучки – это группа генетически родственных народов, имеющих общее этническое происхождение.

⁸¹Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979. С.210.

⁸²Могильников В.А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 65.

⁸³Малолетко А.М. Самодийцы в Алтае – Саянском регионе (по данным онамастики) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2015. Вып.9. С. 32 – 33.

населения на территорию Саяно-Алтая на рубеже эр⁸⁴. С помощью данных топонимики он сделал вывод, что самодийцы жили в районе Телецкого озера, рек Лебедь, Бии, Ушпа, гидронимы же свидетельствуют о проникновении самодийского населения в Алтайские горы. III – IV вв н.э. исследователь выделяет второй этап миграций самодийцев (селькупов) в Верхнее Приобье⁸⁵.

Известный новосибирский археолог В.И. Молодин занимался проблемой определения этнического населения пазырыкской культуры. В результате исследования он сделал вывод, что представителями вышеупомянутой культуры были ирано – самодийцы, ушедшие на север с территории Горного Алтая в конце III – начале II в. до н.э.⁸⁶.

Л.И. Шерстова солидарна с исследователями, считающими, что в этногенезе северных алтайцев участвовали самодийцы. Опираясь на лингвистические данные, она приводит развернутые аргументы в защиту своей позиции. Исследовательница помимо кумандинцев, тубаларов, челканцев относит также шорцев к северно-алтайской группе, объясняя это наличием общего этнонима у шорцев и нганасан⁸⁷. По мнению этнолога, образ жизни и хозяйство северных алтайцев еще в XVII веке определялись сохранностью дотюркских субстратов, в то время как язык они уже переняли у тюрко–монгольского населения⁸⁸.

Таким образом, на сегодняшний день существуют следующие гипотезы происхождения селькупов и северных алтайцев.

1. Нарымские селькупы – автохтонное население, часть которого в последствии мигрировала на предгорья Алтая.

1. Южные селькупы пришли с территории Саяно-Алтая.

2. Северные алтайцы – это самодийцы, подвергшееся тюркизации.

3. Северные алтайцы – это тюрки, имеющие самодийский компонент.

Автор настоящей работы считает, что все вышеупомянутые гипотезы имеют право на существование, однако, наиболее убедительной ей представляется версия миграции самодийцев с Саяно-Алтая на территорию Нарымского Приобья под воздействием тюрков. В последующих главах автор сравнит элементы материальной и духовной культуры двух народов, что позволит судить о наличии самодийского субстрата у северных алтайцев.

⁸⁴Там же. С.20.

⁸⁵ Там же. С. 35 – 36.

⁸⁶Молодин В.И. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. Новосибирск. С.167 – 168.

⁸⁷Шерстова Л.И. Самодийские этнонимы в социальной структуре и этногенезе народов Северного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунаро. научн. конф. Барнаул, 2008. Вып. 7. С.47

⁸⁸ Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. 2015. Вып. № 395. С. 143.

1.3 Расселение и основные этнические группы

Южная группа селькупов занимала территорию Нарымского края, субэтносы локализовались в Бакcharском, Верхнекетском, Каргасокском, Колпашевском, Парабельском районах современной Томской области. Важно отметить, что этноним сѣлькуп – это обобщающее название для нескольких этнолокальных групп. Этноним был введен в научный оборот в 1930 г. и закреплён за представителями данного этноса.

Селькупы были расселены на территории двадцати трех инородческих волостей. По сведениям имеющимся на 5 декабря 1897 г. это были следующие волости: Тогурская поркбежная (юрты Канеровы, Испаевы, Островные, Езенгины), Тогурская (юрты Тягловы, Иготкины), Пиковская (юрты Иванкины, Кияровы), 3-я Парабельская (юрты Инкины, Ромашкины), 3-я Парабельская отдельная (юрты Зайкины, Минеевичи 1-е, Минеевичи 2-е, Моколовы), Ларпинская (юрты Басмасовы, Сагандуковы), 4-я Парабельская (юрты Ипоковы, Мумышевы, Невальцевы, Кюнданак, Покотонак, Чоурги, Ненганак), Верне-Подгорная (юрты Ласкины, Чиряевы), 1-я Парабельская 1-й половины (юрты Парбы, Мымышкины), 2-я Парабельская (юрты Саиспаевы, Мункулы, Черзанак, Мирон – Углин), Нижне-Подгорная 1-й половины (юрты Мысовые, Пыжины, Пыжины-Заречные, Зайсеки, Тюхтеревы), Нижне – Подгорная 2-й половины (юрты Мизуркины, Тюнгунак, Тибинач, Каши, Канаскины, Ишки, Маргины, Киндал), 1-я Парабельская 2-й половины (юрты Невольканак, Кольджи, Согильнак, Калканак, Сайгуловы, Сыготкины, Пырсовы, Турашевы, Чудзик), Подгорная Пайдушная (юрты Митькины (Парсат)), Тымская 1-й половины (Ачангины (Аджангины), Ачангины (Аджангины), Никулкины, Пергаманзины, Мидейкины, Неготкины, Кулеевы, Чигины, Варгананжины, Кочеедровы, Напас 1-й, Напас 2-й, Косесс, Кананак, Комбас, Палькарамо, Лымбелькарамо, Тедельканак, Ванжилькинак, Ньюлярды, Ый, Усть-Карга, Кулгуяк, Высков-Яр 1-й, Высков Яр 2-й, село Тымское), Тымская 2-й половины (юрты Пудзеевы (Верхние Казацы), Нижние Казацы), Чилины, Любацкие, Каргалдай, Ньюрвант, Варганак летние, Варганак зимние), Няньжинская (юрты Тайные, Боркины, Палочкины, Ганькины, Савкины), Кашкинская (юрты Широковы, Сегондины, Карбины, Карелины, Мулешкины, Ибескины), Питкинская (юрты Каяксины, Алипкины), Иштановская (юрты Миташкины, с. Максиможаровское (Кетное)), Лелькинская (юрты Аргаусовы, Бергуновы, Пирины, Зубрековы, Кандуковы, Озерные (Карелины), Лукьяновы, Орликовы), Киргеевская (юрты Ильдкйкины, Яшуткины, Актабаевы, Кизюровы, Жигаловы)⁸⁹. Однако, из сведений, предоставленных Паткановым, становится ясно, что к началу XX века селькупы заняли

⁸⁹ Плотников А. Сведения об инородцах Нарымского края, собранные земским заседателем 5 – го участка Томского округа для окружного исправника // Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30 – е гг. XX в.). Томск, 2006. С. 73 – 76.

низовья реки Васюган – Лариатская инородческая волость (юрты Зимние Варганаки, Ньюрвант, Каргалдай, Летние Варганаки)⁹⁰.

Такая ситуация сохранялась до 1920-х годов, когда в связи с началом проведения национально-государственной политики, на территории Нарымского края началось проведение реорганизации инородческих волостей. В сентябре 1922 года, по решению коллегии Губернского отдела по делам национальностей 11 инородческих волостей (на 1922 год существовала 21 инородческая волость) на территории Нарымского края реорганизовались в Иванкинскую (территории бывших Тогурско – Порубежной, Нижне-Тогурской, Пиковской, 3-й и 4-й Парабельской, Ларпинской, Верхне – Подгорной волостей) и Васюганскую (территории бывших Лариатской, Усть-Чижапской, Васюганской, Айполовской волостей) инородческие волости по р. Оби с селькупским населением в 1044 человека⁹¹. К 1930 г. было завершено создание национальных советов, в Каргасокском районе функционировали Напасский, Чижапский, Нюрольский туземные советы (селькупские), в Колпашевском районе – Широковский и Верхнекетский. В 1932 на территории Напасского тузсовета был создан Тымский национальный район, в который вошли Лымбельский, Напасский, Кананакский и Ванжил-Кананакский туземные советы⁹². С образованием Тымского национального района на территорию реки Тым начали активно переселяться селькупы с Колпашевского, Парабельского и Каргасокского районов, помимо селькупов на р. Тым с соседних районов иммигрировали другие инородцы (ханты, эвенки)⁹³. Одновременно с этим появляется тенденция заселять русских на неосвоенные селькупскими земли, сначала только на время охоты и сбора дикоросов, позднее – в качестве постоянной меры⁹⁴. К середине 1930 г. территория Нарымского края служила местом для вселения репрессированных, в этих условиях началась вторая волна миграций селькупов с рр. Парабель, Кенги, Оби и Васюгана на Тым. Таким образом, Тымский национальный район оказался на 70% заселен пришлыми селькупскими⁹⁵.

Итак, нарымские селькупы – это собирательное название для нескольких этнолокальных групп, таких как чумылькупы (бассейн рек Тыма, Васюгана, Парабели и Оби в районе Нарыма), шёшкупы (район между средним и верхним устьями реки Кети – пос. Иванкино – Колпашево), сюссыкумы (р. Обь между устьями Чаи и Чулыма), сюссогойкумы

⁹⁰ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. С. 148.

⁹¹ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв). Томск, 2016. С. 171 – 172.

⁹² Там же. С. 172.

⁹³ Каталог этнографических фотографий И.С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. Томск, 2004. С. 106.

⁹⁴ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 173.

⁹⁵ Там же. С. 173.

(р. Чая), тойкумы (низовья Чулыма)⁹⁶. Селькупы обустроивали свои поселения исключительно в пограничной прибрежной зоне – на берегу водоемов. Допустимы были два варианта: либо они селились непосредственно в пойме реки, либо на берегу речной трассы, незатопляемой во время весеннего половодья⁹⁷

Северные алтайцы, судя по названию, занимали территорию Северного Алтая. В.И. Вербицкий называл их «черневыми татарами» и отделил от алтай-кижи по географическому признаку. Свое название черневые татары получили от того, что проживали в таежной местности, которая издали виднелась черным пятном. Оседло эти народы проживали «улусами и аулами при устьях рр. Кондомы и Мрасы на протяжении 100 верст, по речке Ускату и по р. Бии», кочевали же по северной части Алтая, «при озере Телецком, по рр. Бии, Лебеди, Томи, Мрасы, Кондомы, Мындыбату, Пызысу и речкам, в которые впадают»⁹⁸. В XVII веке северными алтайцами были заняты «Кумандинская, Кергежская, Кузенская, Южская, Комляжская, Шелкальская (Чалканская) волости»⁹⁹. В описании путешествий Радлова мы видим, что исследователь уже выделяет среди татар Северного Алтая субэтноты: кумандинцев, которых он делит на два зайсанства, лебединских татар, черневых татар и шорцев. Итак, по свидетельству В.В. Радлова кумандинцы занимали территорию по берегам р. Бии «между Макарьенском и устьем Лебеди и по северным склонам гор»; лебединские татары проживали на р. Лебедь; у черневых татар выделялось пять племен, проживали они в районе между Телецким озером и Катунью; шорцы расселились в горах между Телецким озером и истоком реки Томи¹⁰⁰.

В исследованиях Л.Н. Потапова лебединские татары зафиксированы под новым этнонимом «челканцы» (лебединцы), черневые татары известны под этнонимом «тубалары»¹⁰¹. Исследования Л.Н. Потапова приходятся на третью четверть XX века, однако данные, собранные им, свидетельствуют о том, что, на момент написания работы, северные алтайцы по-прежнему занимали территории, описанные предыдущими исследователями¹⁰².

Резюмируем сведения о расселении и этнонимах каждой этнолокальной группы. Кумандинцы разделялись на верхних и нижних в соответствии с их проживанием на р. Бии (верхнее и нижнее течение). Здесь были созданы Верхне-Кумандинская и Нижне-

⁹⁶ Тучкова Н.А. Южные (нарымские) селькупы // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 19.

⁹⁷ Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. С. 81.

⁹⁸ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. Горно – Алтайск, 1893. С. 7.

⁹⁹ Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. 2015. Вып. № 395. С. 143.

¹⁰⁰ Радлов В.В. Из Сибири. М. 1989. С. 93 – 94.

¹⁰¹ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953. С. 7.

¹⁰² Там же. С. 7 – 8.

Кумандинская инородческие волости¹⁰³. Челканцы (чалканцы / лебединцы) расселены берегам реки Лебедь¹⁰⁴. Тубалары (черневые татары) проживают в современных Турачакском (с. Артыбаш, Иогач, Ново-Троицк, Яйлю, Бийка, Чуйка, Дмитриевка, Дайбово, Кебезень, Заречье, Промартель, Старый Кебезень, Сюря, Тулой, Усть – Пыжа, Карманка, Турочак, Тондошка), Чойском (с. Ускуч, Каракокша, Паспаул, Салганда, Туньжа, Уймень, Красносельск), Майминском (с. Карасук, Сайдыс, Александровка, Урлу-Аспак) районах Республики Алтай¹⁰⁵.

До второй половины XX века все исследователи рассматривали шорцев как один из субэтносов северных алтайцев, однако в 1960-е годы Л.Н. Потапов выделил шорцев как самостоятельный этнос, отдельный от северных алтайцев. В настоящее время этнологи имеют разные точки зрения на вопрос вхождения шорцев в группу народов Северного Алтая. Автор придерживается мнения, что у шорцев присутствует самодийский субстрат (компонент), что может служить доказательством их родства с селькупам и народами Северного Алтая, однако в данной работе под северными алтайцами понимаются кумандинцы, челканцы и тубалары, и сравниваются культурные особенности этих субэтносов. Такое решение было принято в связи с невозможностью в рамках настоящей работы провести качественное сравнение большого количества этнолокальных групп.

Составленная автором карта расселения селькупов и северных алтайцев представлена в Приложениях. (прил.А, рис.1.).

¹⁰³ Назаров И.И. Кумандинцы. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.327.

¹⁰⁴ Функ Д.А. Челканцы. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.464.

¹⁰⁵ Функ Д.А. Тубалары. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.491.

2.1 Хозяйство и основные занятия

А.В. Головнев в одной из своих работ представил типологию хозяйственных комплексов Сибири, судя по которой селькупы относятся к приречно-таежному промысловому типу, однако он отмечает, что для части южных селькупов также характерен глубинно-таежный промысловый хозяйственный комплекс¹⁰⁶.

Рыболовство. Для нарымских селькупов главным промысловым занятием являлось рыболовство. «Промысловое значение в хозяйстве селькупов имели только язь, чебак, елец, карась, окунь, щука и налим; иногда в бассейне р.Тым добывали осетра, стерлядь и нельму»¹⁰⁷. Опираясь на сведения, изложенные Г.И. Пелих, автор представляет разные виды рыболовных снастей, без подробного описания каждого, т. к. считает невозможным раскрыть вопрос в полной мере в рамках данной работы. Котец – ловушка, изготовленная из сосновых юнг (тонкие длинные плашки шириной не более 1,5 см), переплетенных с черемуховой саргой. Использовался рыбаками в любое время года и в любых водоемах. Деревянный невод (мазанг) изготавливался тем же способом, что и котец, однако вместо черемуховой сарги здесь применялся кедровый корень. Сети подразделялись в зависимости от способа рыбалки на следующие виды: плавежные, неводные и ставные. Величина ячеек зависит от того, для ловли какой рыбы она предназначалась. Среди заборных снастей выделялись атарма, перегораживающая всю реку и снабженная сетевым мешком, квэж – забор из кольев с ловушками: мордой (кар) и фитилем (могай). Морду иногда использовали как самостоятельную ловушку, в одном селькупском хозяйстве можно было встретить великое разнообразие морд. Фитиль подобно морде часто использовался самостоятельно, изготавливался из конопли или ивовых прутьев. Пюрмачу – еще один из видов запора, это зимний способ рыбалки, создавался из снега и земли. Санак – удочка из длинного кедрового корня с рыболовным крючком на конце и надетой на него маленькой рыбешкой в качестве наживки. В качестве вспомогательного инструмента использовали черпак¹⁰⁸, которым удаляли лед из выдолбленных лунок на реке, а также собирали рыбу, попавшую в ловушку¹⁰⁹. С середины XIX в. русские рыбопромышленники заняли нишу неводного промысла на Оби. Селькупы продавали или же сдавали в аренду промысловые участки с

¹⁰⁶ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 47.

¹⁰⁷ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв). Томск, 2016. С. 175.

¹⁰⁸ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии №6952.

¹⁰⁹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 18 – 22

рыбой и нанимали местное население для ловли рыбы¹¹⁰. В начале зимы использовали способ глушения рыбы: по льду били палками, рыба глохла, затем ее доставали черпаком¹¹¹. Другим распространенным способом ловли рыбы зимой были самоловы (стяжки). Чаще всего в Нарымском крае на самоловы ловили и ловят стерлядь, осетра, и налима.

В хозяйстве северных алтайцев рыболовство играло скорее вспомогательную роль. Однако известно, что в изучаемый период времени южные алтайцы вовсе не знали рыбной пищи и рыбного промысла. Кумандинцы проживали вблизи двух крупных рек – Бии и Катунь, что располагало к занятию рыбной ловлей. «Объектами рыболовства у кумандинцев служили карась, хариус, окунь, чебак, пескарь, таймень, щука, ускач, лосось, налим, линь, гальян»¹¹². Не смотря на вторичную роль рыболовства в хозяйстве северных алтайцев, у них существовала достаточно богатая инвентарная база. Для ловли щук кумандинцы использовали «кыл» - петли, прикрепленные к длинным палкам. В зимнее время рыбу часто «глушили», для этого рыбаки били деревянной колотушкой по льду. В летнее время рыбу ловили сетями (шуун) и неводом. Были в использовании плетенные из ивы морды и верши. Известно о бытовании у камандинцев рыболовных снарядов (сайып) – небольшой изгороди, отходящей от берега, с закрепленной вершей на дальнем конце. Помимо это кумандинцы сооружали земляные запруды¹¹³. Челканцы рыбу ловили удочками, острогой (сайга) - ночью¹¹⁴. Тубалары помимо сетей использовали плетенные фитили.

Таблица 1 – Рыболовный промысел¹¹⁵

	Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Рыба	Язь, чебак, елец, карась, окунь, щука, налим, осетр, стерлядь, нельма	Карась, хариус, окунь, чебак, пескарь, таймень, щука, ускач, лосось, налим, линь, гальян
Инвентарь	Котец	Кыл
	Глушение рыбы	
	Сети	
	Морда	
	Фитиль	

¹¹⁰ Головнев А.В., Тучкова Н.А. Культура селькупов. Хозяйство // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С.68.

¹¹¹ Там же. С. 74.

¹¹² Бельгибаев Е.А., Назаров И.И. Традиционное рыболовство таежных групп Алтая // Древности Алтая. Горно – Алтайск, 2003. С. 164 – 165.

¹¹³ Назаров И.И. Кумандинцы. Хозяйственная деятельность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 334.

¹¹⁴ Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 475.

¹¹⁵ Составлена автором на основе проведенного сравнительного анализа.

	Невод	
	Земляной запор	
	Мазанг	Удочка
	Атарма	Верши
	Квэж	
	Санак	
	Черпак	
	Самоловы (стяжки)	

Судя по данным, приведенным в таблице, становится ясно, что рыбалка все-таки имела большое значение в хозяйственной деятельности северных алтайцев. Известно, что у алтай-кижи не существовало рыболовства, да и рыбную пищу они не употребляли. У северных алтайцев наблюдается обратная ситуация, доля рыбного промысла, конечно, уступает доли у селькупов, однако данная отрасль хозяйства все равно достаточно развита. Большинство рыболовных снастей у обоих народов совпадают, закономерно, что у селькупов наблюдается большее разнообразие в инвентаре. Автор склонна полагать, что совпадение в рыболовных снаряжениях обусловлены самодийским компонентом, присутствующим у северных алтайцев.

Охота. Охота не была главным занятием нарымских селькупов, лишь у некоторых групп она играла ведущую роль. В большинстве случаев целью охотников было получение пушнины, а главным объектом – белка, добыча которой в среднем ежегодно составляла от 60 – до 100 тысяч штук¹¹⁶. Сезон охоты на белку состоял из двух этапов: осенний (ноябрь – середина декабря) и зимний (середина – конец января – середина-конец марта). Охотники отправлялись в длительные рейды (до 2 тыс.км), осенью для помощи брали с собой собаку, зимой – ходили одни¹¹⁷. Учитывая значимость промысла белки, автор считает необходимым рассмотреть этот охотничий комплекс подробнее. В первую очередь, нужно отметить, что нарымские селькупы ходили на такую охоту всей семьей, женщины участвовали в добыче белок наравне с мужчинами, свидетельства этого сохраняются и в XXI веке¹¹⁸. Селькупы пользовались, в основном, луком и деревянными стрелами и стремились попасть исключительно в головку зверьку, чтобы не повредить шкурку. Зимой охотники уходили в тайгу, для ходьбы по снегу они надевали легкие и скользкие лыжи, а охотничьи снаряжения, провизию и запасную одежду перевозили на нартах. В тайге у охотника обязательно был промысловый стан (прил Б. рис.2), И.И. Дочевский приводит следующее описание:

¹¹⁶ Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.6.

¹¹⁷ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо – Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С.59.

¹¹⁸ Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013.

«маленькая избушка из 3 или 5 венцов, часть врытая в землю, с очагом из крупных неправильной формы камней и с узеньким окошечком, которое открывается во время топки очага»¹¹⁹, такая характеристика соответствует традиционному селькупскому жилищу – избушке «карамо» (прил. Б. рис. 3). Часто около такого домика находился лабаз – небольшой сруб на четырех столбах высотой примерно 1,5 метра, предназначенных для хранения провизии от зверей. Самые распространённые ловушки на белок – это «черкан»¹²⁰ и «плашка» с приманками в виде сушеных грибов, сосновых шишек и губчатых наростов с тальника и березы, изредка «силки».¹²¹ Автор не приводит описание ловушек в силу их изученности.

Помимо белки черкан использовался также для добычи горностая, отличие в том, что наживка на него была иная, вместо сушеных грибов и прочих растительных даров использовалось сырое или сушеное мясо. В районе рек Кеть, Васюган, Тым добычи соболя почти не было, охота на этого пушного зверька здесь не велась, в силу его малочисленности в данной местности. При охоте на лисицу, продолжавшуюся с середины осени до весны, использовались капканы, самострелы, кляпицы. Тымские селькупы на выдру охотились с помощью самоловов.¹²²

Другим объектом охоты для нарымских селькупов были водоплавающие птицы. Здесь господство принадлежало утке. Ранняя осень – время перелетов уток с озера на озеро. Охотники, зная эту особенность, заранее выбирали два озера, проделывали между ними просеку и натягивали сеть, ожидая, когда птица попадет в нее. Другой вариант: по берегам озера втыкали деревянные шесты и между ними натягивали сеть. Запутавшуюся в сеть добычу охотник забирал, подплывая на лодке. Таким образом, хороший охотник мог за одну ночь добыть от 200 – до 300 и более уток. Одна часть добытой птицы заготавливалась на зиму, другая же шла на продажу¹²³. Стоит отметить, что южных селькупов характерно преобладание индивидуального способа охоты, однако для охоты на отдельных виды промысловых животных практиковали объединение в артели¹²⁴.

Итак, перечислим основной охотничий инвентарь селькупов. Это черкан, плашка, кляпец¹²⁵, петля¹²⁶, пальма, самострелы, ловчая яма, ружье, лук и стелы. Г.И. Пелих приводит

¹¹⁹ Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.11 – 12.

¹²⁰ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №2129.

¹²¹ Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.15.

¹²² Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо – Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С.59 – 61.

¹²³ Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.7.

¹²⁴ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 61.

¹²⁵ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог. Томск, 2007. С. 40 – 42.

¹²⁶ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт. – сост. А. А. Пихновская. —Томск, 2007. С.39.

три разновидности лука. Первая – это простой лук, применяемый в ловушках, он ничем не отличался от луков других сибирских народов. Вторая разновидность – это сложный лук, изготовленный из трех пород дерева: березы, сосны и черемухи. Третья – охотничий лук¹²⁷, склеенный из двух пород дерева: сосны и березы¹²⁸.

В Нарымском крае существовало четыре крупных центра продажи добытой дичи: город Нарым, село Тымское, Парабельское, Васюганское. На конец XIX века средний годовой заработок охотника составлял около 35 рублей в год, а вся добыча нарымских инородцев оценивалась примерно в 35000 рублей¹²⁹.

Особенность природно-географического положения обусловило занятие северных алтайцев пешей зимней охотой. Особенно важную роль охота играла в жизни кумандинцев. Специфика такого промысла требовала людей объединяться в артели, однако со временем стала преобладать индивидуальная охота, правда, в одиночку охотились лишь близ селений, с помощью ловушек и самострелов. Для крупной охоты объединение в артели происходило по следующим принципам: «1) по отцовской линии (члены по сеоку отца, но не обязательно родственники); 2) родственники; 3) родственники по сеоку матери (особенно при охоте на медведя); 4) артель из жителей одного улуса, необязательно родственников; 5) объединялись по принципу знакомства»¹³⁰. Проживание в зоне богатой лесными зверями как нельзя хорошо способствовало развитию охоты, добыча зверя могла обеспечить им безбедное существование на весь год, однако, тубалары предпочитали добывать столько пушнины, сколько необходимо для уплаты ясака. Похоже ситуация обстоит и с добычей кедрового ореха, и с пчеловодством¹³¹. Традиционно женщинам было запрещено охотиться, это считалось мужским занятием, однако в середине XX века нередко встречались охотники женщины. Среди охотничьего инвентаря челканцев особенно выделяются шомпольное ружье, рог, свистульки, для ловли копытных устанавливали загороди¹³². Из материалов В.И. Вербицкого известно, что на рысь охотились с помощью кулемки, выдру ловили сетью (саип), каланка – кулемкой и плашкой, в ловышки обязательно помещали приманку. Дети занимались охотой на бурундука, использовали палку с петлей из конского волоса¹³³.

¹²⁷ Фонд МАЭС, отдел этнографии, № 2120.

¹²⁸ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 18 – 22.

¹²⁹ Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С.8.

¹³⁰ Назаров И.И. Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев// Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С.128 – 129.

¹³¹ Путешествие д – ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану/ пер. Н.А. Кострова. Томск, 1881. С. 58 – 59.

¹³² Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 472.

¹³³ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. Горно – Алтайск, 1893. С.22.

По словам И.И. Дочевского в Бийском округе промысловой охотой занимались около 2250 человек.

Таблица 2 – Охота¹³⁴

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Лук, стрелы	
Черкан	
Петли	
Кулемы	
Плашка	
Сети	
Ружье	
Загороди	
Кляпцы	Капканы
Самострелы	Ловчие ямы
Самоловы	

Несмотря на главенство рыболовного промысла у большинства этнолокальных групп южных селькупов, охота занимала важное место в их хозяйственной деятельности. Судя по приведенной выше таблице, основной охотничий инвентарь у изучаемых народов практически полностью совпадает. Это связано с тем, что объектами охоты, в большинстве своем, выступали одни и те же животные. Охоту на пушного зверька представители обоих народов вели с целью получения меха либо для изготовления одежды, либо на продажу. На копытных животных охотились для добычи мяса. Известно, что северные алтайцы объединялись в артели для охоты на медведя, у нарымских селькупов промысел медведя не имел какого-то важного значения, напротив, у селькупов р.Тым существовал запрет на добычу этого зверя. Такой запрет объясняется верой чумылькупов в общее происхождение с «хозяином тайги», так у местных селькупов существовал Род Медведя «Коркыт тамтыр», вместе с тем крупное селькупское село называлось «Коргытсок», что в переводе означает «Медвежий мыс». Таким образом, несмотря на имеющиеся различия, сходства преобладают. Этот факт может говорить о наличии самодийского субстрата в северных алтайцев.

Собирательство. Собирательство играло заметную роль в хозяйственной деятельности нарымских селькупов. Этим занимались, в основном, женщины, а главное место занимал сбор ягод и кедрового ореха. Ягоды собирали чаще всего для стола, однако имеются сведения, что селькупы заготавливали некоторую ягоду на зиму: для этого они

¹³⁴ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

могли сушить черемуху; замораживать бруснику и клюкву. Листы ягодных кустов собирали для заваривания чая¹³⁵. Известно, что селькупы никогда не употребляли в пищу грибы, однако мухоморы собирали для приготовления специального отвара, позволяющего шаману войти в транс¹³⁶. Существуют сведения о заготовке селькупам балберы – коры тополя, которую в последствие использовали для изготовления поплавков для сетей¹³⁷.

Важным занятием была заготовка кедрового ореха. На шишкование отправлялись селькупы целыми семьями, дети забирались на деревья и раскачивали его, мужчины били «ботом» по стволу, в надежде сбить шишки, женщины же собирали падалицу¹³⁸. Осенью селькупы непременно старались заготовить бересту для изготовления всевозможных поделок, а также черемуховую саргу и кедровый корень для плетения рыболовных ловушек. Чагу («березовый гриб») собирают и заготавливают с целью изготовления из него чайного напитка¹³⁹.

Основным занятием у народов Северного Алтая было сельское хозяйство, в основе которого лежало сочетание плужного земледелия, оседлого скотоводства со стойловым содержанием скота, орехового и охотничьего промысла. Продукция, полученная в результате обоих промыслов, шла на продажу через скупщиков. Деньги, вырученные от продажи, а также в некоторых случаях пушнина и орех использовались для приобретения тех товаров (ткани, порох, свинец, чай, железные изделия, соль, табак, спички и другие), которые было невозможно по тем или иным причинам изготовить домашним способом¹⁴⁰. «В конце XIX и начале XX столетий ореховый промысел составлял у кумандинцев, челканцев и тубаларов едва ли не главную статью денежного заработка, уступая только разве выручке от добычи пушнины. В указанное время получила развитие и весенняя заготовка черемши (*Allium ursinum* L.) для продажи ее на деньги или в обмен на муку и другие продукты русским крестьянам, охотно запасавшим черемшу на зиму. Из древнего собирательства у северных алтайцев возникло и пчеловодство, но уже под влиянием русских крестьян. Собираение меда диких пчел превратилось под упомянутым культурным воздействием в бортничество, а за тем и настоящее пасечное пчеловодство»¹⁴¹.

¹³⁵ Головнев А.В., Тучкова Н.А. Культура селькупов. Хозяйство // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 93.

¹³⁶ Там же. С.94.

¹³⁷ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв). Томск, 2016. С. 187.

¹³⁸ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.29 – 30.

¹³⁹ Там же. С. 31 – 32.

¹⁴⁰ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. – Л., 1953. С.226.

¹⁴¹ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко – этнографический очерк/ Отв.ред. А.П.Окладников; АН СССР, Сиб. Отделение, Институт истории, филологии и философии. Горно – Алтайский науч. – исслед. ин – т истории, языка и литературы. –Л., С.18.

До развития огородничества у северных алтайцев важными продуктами собирательства служили: дикий лук, чеснок, калба (черемша), ревень, кандык. Другим, не менее важным предметом собирательства, являлась ягода. Кумандинцы собирали клубнику, землянику, малину, черемуху, калину, клюкву, черную и красную смородину¹⁴².

Таблица 3 – Собирательство¹⁴³

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Смородина, земляника, клюква, черемуха, малина, клубника	
Кедровый орех	
Листья ягодных кустов	
Черемша, дикий лук, чеснок	
Чага	Мед диких пчел
Мухоморы	Ревень
Черемуховая сарга, кедровый корень, береста	Кандык

В настоящей таблице представлены основные объекты собирательства у данных народов. Известно, что селькупы не употребляли в пищу грибы, у северных алтайцев автор не встретила каких-либо упоминаний о бытовании у последних грибных заготовок, что представляется интересным. Сходных элементов выявлено довольно много, однако автор считает, что это не может служить показателем наличия общего субстрата, а скорее является следствием схожих природно-географических условий.

Жилище. До конца XIX века селькупы вели полукочевой образ жизни, что объясняется высокой значимостью промыслов в их жизни. У селькупов существовали поселения двух типов: зимние и летние, такие типы поселений носили как временный, сезонный, так и постоянный характер¹⁴⁴. Н.А. Тучкова выделяет следующие типы жилищ: каркасную коническую постройку (чум, получум), каркасную наземную постройку типа «скат-кровля», каркасную конструкцию в виде полуцилиндрического свода (крытую лодку), каркасную усеченно-пирамидальную постройку, каркасно-самонесущую пирамидальную постройку, каркасно-самонесущую призматическую постройку, углубленную в землю (карамо), постройку с самонесущими стенами (избу-сруб)¹⁴⁵. Представим краткую характеристику каждого типа жилища.

¹⁴² Малинов А.В. Культура коренных малочисленных народов России// Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 285.

¹⁴³ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа

¹⁴⁴ Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. С. 72.

¹⁴⁵ Там же. С. 81.

Каркасная коническая постройка (чум, получум). По сведениям Е.Д. Прокофьевой у нарымских селькупов чум присутствовал только в качестве летнего жилища, но очень редко¹⁴⁶. Существуют свидетельства С.М. Чугунова о бытовании такого жилища у кетских селькупов¹⁴⁷.

Каркасная наземная постройка типа «скат-кровля». Такое жилище было, безусловно, временным и называлось «балаган»¹⁴⁸. Для его сооружения устанавливали каркас из двух вильчатых кольев и уложенной на развилки поперечной жерди, к каркасу приставлялись ветки, образуя скат на одну сторону. Скат накрывали лапником, травой либо берестой¹⁴⁹.

Каркасная конструкция в виде полуцилиндрического свода (крытая лодка). Упоминание такого типа жилища встречается в работе Е.Н. Орловой, которая наблюдала данное явление у селькупов р. Тым. По ее словам, тымские селькупы почти все летнее время жили в такой лодке, это связано, в первую очередь, с преобладанием рыбного промысла в хозяйственной деятельности. Кроме того, на таком доме-лодке селькупы отправлялись и на сенокос, и за орехами-ягодами¹⁵⁰.

Каркасная усеченно-пирамидальная постройки у южных селькупов носила названия «тяй-мат» и «леви-мат», известно о бытовании подобных жилищ на Оби, Кети, Тыму¹⁵¹. Г.И. Пелих дает следующее описание «тяй мату». «В плане это прямоугольное (почти квадратное) помещение (3,2 м на 3,2 м), углубленное в землю на 0,5 м. В центральной части ямы на расстоянии 2,5 м друг от друга стоят четыре столба с чашеобразными углублениями на верхних концах. В эти углубления клали параллельно друг другу два бревна, на которые делались такие же углубления и накладывались две следующие балки. Так получалась квадратная рама. Со всех сторон к раме приставлялись наклонные плахи и горбыли. Их верхние концы опирались на раму, а нижние – упирались в основание земляных стен. Сверху рама была покрыта жердями, завалена землей и сухой травой. С внешней стороны стены засыпали широким валом земли высотой около метра. Дверь сбита из двух широких плах с двумя поперечными накладками, укрепленных на железных шарнирах. В стене, расположенной справа от входа, сделано маленькое окно. Очага нет. Вход прикрывали шкурой»¹⁵². «Леви-мат» создавался подобным образом, только из более легких материалов.

¹⁴⁶ Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М., 1956. С. 675.

¹⁴⁷ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Поселения и жилища// Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 123.

¹⁴⁸ Там же. С. 126.

¹⁴⁹ Там же. С. 125.

¹⁵⁰ Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. С. 44.

¹⁵¹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 51.

¹⁵² Там же. С. 52 – 53.

Дверь в таком жилище была изготовлена из бересты, сшитой жилами. Земляной пол был застелен хвойными ветками¹⁵³.

Каркасно-самонесущая пирамидальная постройка была представлена следующей конструкцией: четырехугольный тесовый балаган со срезанным верхом, стоящим на четырехугольном фундаменте из толстых бревен. Пол земляной¹⁵⁴. К углам сруба из 2-4 звеньев крепились длинные стропила, соединенные наверху четырехсторонней рамой, образующей пирамидообразную крышу¹⁵⁵.

Главным зимним промысловым жилищем селькупов была полуземлянка «карамо». Данное сооружение относится к каркасно-самонесущим призматическим постройкам. Существовало несколько вариантов строения такого жилища. «Карамо могли делать совсем без сруба, с надставкой из бревен только с торцовых сторон ямы (2-3 бревна, скрепленных деревянными шпёнками), с наземным срубом от 1 до 5 звеньев, сруб «спущен в яму» (кет.)»¹⁵⁶. Если карамо планировали как не только промысловое, но и стационарное жилище, стены укрепляли тонкими бревнами. Очаг мог находиться в любой части дома. Окно располагалось в крыше (рассматривалось как дополнительный выход), в венце сруба напротив входа. Нары состояли из плах, размещались у двух продольных стен. Вход/выход – земляной коридор из ямы наружу¹⁵⁷. Крыша чаще всего двухскатная. Некоторые промысловые карамо представляли собой двухкамерное жилище. Первое помещение похоже скорее на холодную крытую веранду без дверей. Второе помещение являлось жилым помещением¹⁵⁸.

Постройка с самонесущими стенами (изба-сруб), в научной литературе известна как «юрта». Такая постройка по-селькупски называлась «кай маат» - зимний дом. Относительно русской избы такая юрта имела меньшие размеры. Строение состояло примерно из 8 венцов, 3 из которых находились в земле, а 5 возвышались на ней), потолка не было, крыши, чаще всего, были двухскатными, но встречались и односкатные, вход имел 2-3 ступени. С середины XIX века такие жилища были заменены русскими избами¹⁵⁹.

Жилища северных алтайцев подобно селькупским делились на летние и зимние. Рассмотрим их подробнее.

¹⁵³ Там же. С. 53.

¹⁵⁴ Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. С. 14.

¹⁵⁵ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.131.

¹⁵⁶ Там же. С.131.

¹⁵⁷ Там же. С. 132 – 133.

¹⁵⁸ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 48.

¹⁵⁹ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 135.

Распространённым зимним жилищем северных алтайцев была полуземлянка (чегур уг). Жилище было углублено на 1 м в землю. Первый вариант полуземлянки: углубленная в землю каркасная постройка, в крыше располагалось окно, сделанное из переплетенных прутьев¹⁶⁰. Второй вариант – плетневый каркасный с двускатной или плоской крышей. Известно, что у тубаларов бытовали полуземлянки (кереге) с четырехскатной крышей из бересты¹⁶¹. «Такая полуземлянка представляет собой каркасное сооружение из дощатых щитов или плетня, немного углубленное в землю и обложенное дерном от низа до перекрытия. В основе каркаса жилища находились три столба на передней и задней стене (средние столбы выше боковых). Пол в таком жилище был земляным, но покрытым слоем глины, которая периодически подновлялась»¹⁶².

Известен у кумандинцев и чум (каркасный и имеющий форму конуса). Чум изготовлялся из длинных шестов, покрытых корой лиственницы или березы, а затем дерном¹⁶³. Плетневое каркасное жилище (урген уг) бытовало на территории Северного Алтая вплоть до середины XX века. Конструкция была следующая: в землю вбивали трехметровые ошкуренные колья на расстоянии 50 см. Ветвями черемухи или ивы оплетали внешнюю стену, после чего внутри будущего жилища вкапывали столбы, к которым притягивали плетень и на которые клались балки потолочного перекрытия. «Затем укладывали глиняный пол. Обычно настилали два слоя глины, между которыми клали бересту. После этого начинали оплетать внутреннюю стену. По мере плетения пространство между стенами засыпалось смесью глины с соломой и конским навозом. Засыпка плотно утрамбовывалась. Потолок жилища выкладывался плетеными перекрытиями, которые сверху перекрывались берестой и толстым слоем глины. Поверх перекрытия сооружалась двускатная крыша. Стены жилища снаружи и изнутри обмазывались глиной и пробеливались. Наружную стену жилища опоясывала завалинка из глины или пластов дерна»¹⁶⁴.

Также известно о бытовании у северных алтайцев срубной избы (уг агаш, тура). Прямоугольный сруб стоял на толстых обожженных до углей столбах, вкопанных в землю на метр. На торце каждого столба лежали медные пластины, затем укладывались венцы. Щели проконопачивали мхом или сухой осокой. Пол из пиленного горбыля укладывался на

¹⁶⁰ Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестн. СПб., 1885. Т. 20. С. 633.

¹⁶¹ Сарбашева С.Б., Маслов Д.В. Тубалары. Хозяйственные занятия и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 502.

¹⁶² Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 348.

¹⁶³ Там же. С. 348.

¹⁶⁴ Славнин В.Д. Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 92 – 93.

глиняную подсыпку и слой бересты. Крыша была двускатной, бревна выкладывались по типу черепицы¹⁶⁵.

Другой тип жилищ северных алтайцев – саманный дом (самананг иштен), распространенный в степной зоне. Основу составлял сланцевый фундамент. Кирпичи изготавливались из смеси глины с соломой и конским навозом, трамбовалась такая смесь в специальной форме. Крыша имела форму полукруглого свода, стены с обеих сторон промазывались глиной. Пол был глинобитный либо из деревянных плах¹⁶⁶.

Временные жилища у кумандинцев представлены промысловыми постройками. Л.П. Потапов выделял два типа охотничьего шалаша. Первый (кышкы одаг, анг уг, анг одаг) – устанавливался на несколько лет, представлял собой каркас, возведенный вблизи дерева. Коньковая балка соединяла опорные столбы. Крышу делали двускатной. Для того, чтобы вода не попадала в жилище, постройку окапывали небольшой канавкой. Дверь, чаще всего, была из досок¹⁶⁷. Охотничий шалаш второго типа был более простым в устройстве и носил временный характер. Его устанавливаю, чтобы переночевать день – два. «Это жилище сооружалось под ветвями пихты или кедра. Охотник находил подходящее дерево (бай-барак), отгребал от его ствола снег, пригибал ветви к земле. Затем стены такого импровизированного жилища дополнительно укладывались срубленными ветвями и присыпались снегом»¹⁶⁸. Известно, что челканцы на ночевку в тайге устраивались в багалахах, преимущественно с двускатной крышей¹⁶⁹.

Таблица 4 – Жилища¹⁷⁰

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Каркасная коническая постройка (чум, получум).	
Каркасная наземная постройка типа «скат-кровля» (балаган)	
Каркасная конструкция в виде полуцилиндрического свода (крытая лодка)	Промысловый шалаш
Каркасная усеченно–пирамидальная постройка,	Саманный дом
Каркасно-самонесущая призматическая постройка, углубленную в землю (карамо / чер уг/кереге),	

¹⁶⁵ Там же. С. 89 – 92.

¹⁶⁶ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы Алтайского края (историко – этнографический очерк): автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1969. С. 12.

¹⁶⁷ Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001. С.94 – 95.

¹⁶⁸ Там же. С.95.

¹⁶⁹ Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 472.

¹⁷⁰ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

Жилище является одним из важнейших критериев в определении хозяйственно-культурного типа. Однако, именно в сравнении жилищ определение этнического субстрата представляет наибольшую сложность, т.к. тут в большей мере просматривается влияние природно-географических условий. Однако, сходства все же существуют. Не станем останавливаться на комментировании сходств в таких постройках, как чум, получум, изба-сруб, т.к. они характерны для многих народов, проживающих не только в изучаемой местности, но и далеко за ее пределами. Остановимся на наиболее интересных для нас явлениях.

Во-первых, это временное промысловое жилище – «балаган». Он наблюдается как у северных алтайцев, так и селькупов. Судя по приведённым выше описаниям, такое сооружение не могла в полной мере защитить от суровых погодных условий. Особенно странным представляется использование таких построек нарымскими селькупам в качестве промыслового жилища зимой. Известно, что в Нарымском крае зимы отличаются своей суровостью, поэтому в случае сильных порывов ветра данная постройка не смогла бы служить защитой от него.

Во-вторых, это полуземлянки. Они характерны для обоих этносов. Селькупы часто использовали их как промысловые постройки, северные алтайцы – как постоянные. Строение полуземлянок практически идентичное, интересно, что селькупы делали окно на крыше в качестве дополнительного выхода на случай весенних паводков, автор не встречала объяснений иных функциональных значений такого окна, помимо источника света. В научной литературе бытует мнение, что такая конструкция явилась следствием модернизации ям-скрачков, покрытых ветками. Автор не берется утверждать, что такое жилье является следствием присутствия самодийского субстрата у северных алтайцев, однако автор не встречала описания подобного жилища у тюркских народов, и склоняется к мнению, что подобное может быть характерной особенностью именно самодийцев, а значит может подтвердить самодийское происхождение челканцев, тубаларов, кумандинцев.

2.2 Национальная кухня и одежда

Кухня. С середины XIX века в рацион селькупов вошли покупные продукты, а в XX в. – продукты скотоводства и земледелия, однако в рамках данной работы интересно установить особенности национальной культуры, поэтому автор не акцентирует внимание на этих продуктах.

Автор уже отмечал, что главным занятием нарымских селькупов было рыболовство, поэтому логично, что рыбные блюда преобладали в национальной кухне. До 1930-х гг.

селькупы не знали некоторых технологий заготовки рыбы (соления, копчения), поэтому употребляли в пищу вареную рыбу, рыбный суп, чапсу – обжаривали рыбу на палочке-вертеле на костре, чтобы заготовить впрок – вялили и сушили, перемалывали на рыбную муку (порсу), которую потом добавляли в бульон или же ели как закуску к чаю¹⁷¹. Рыбу ели «чушем», стерлядь летом ели «живой», то есть пойманную только что пойманную рыбу распарывали, подсаливали и ели в таком виде. Из рыбы делали фарш из филе и начиняли фаршировали им шкуру щуки. Внутренности некоторых рыб добавляли в уху, так, к примеру, печень (максу) налима растирали и добавляли в уху, так же добавляли молоки, рыбный пузырь, иногда икру¹⁷². Из разных видов рыб пекли пироги, однако обязательным условием было отсутствие других ингредиентов, позже в рыбные пироги стали класть картофель, изначально этого не было¹⁷³.

Из злаковых растений предпочтение отдавали ячменю, из него варили каши и пекли лепешки¹⁷⁴.

Продукты охоты занимали свое место в рационе питания, в основном это было мясо лося, иногда – зайчатина, мясо белок варили или обжаривали на костре. Боровую дичь вялили для долгой сохранности или же варили для потребления.

Черемша (колба), дикий лук, корни сарага употреблялись в качестве приправы к мясу¹⁷⁵. Также некоторые селькупы собирали и сушили дикий хрен, использовали его в качестве приправы к мясу и рыбе¹⁷⁶.

Известно, что в качестве чая нарымские селькупы использовали смесь из толчённой чаги, сушеных смородиновых и малиновых листьев и сушенной малины. Иногда в заварку добавляли иван-чай дикий тми, мяту, сушеные ягоды черемухи. Помимо отвара из чаги пили также отвар из шиповника.

На употребление в пищу мяса некоторых животных накладывалось табу, чаще всего запрет не распространялся на всех селькупов, а лишь на отдельные этнолокальные группы. Так, к примеру, тымские чумылькупы не могли употреблять в пищу мясо медведя, вследствие чего численность медведя к 1930-м годам превысила допустимые нормы, и

¹⁷¹ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 198.

¹⁷² Сайнакова Н.В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. Ист. наук. Томск, 2018. С. 169 – 171.

¹⁷³ Там же. С. 174.

¹⁷⁴ Кудряшева Т.К., Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 188.

¹⁷⁵ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 198.

¹⁷⁶ Сайнакова Н.В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. С. 176.

охотники были вынуждены отстреливать зверя¹⁷⁷. Мясо волка, лисицы и соболя также было табуировано¹⁷⁸. Парабельские селькупы не употребляли в пищу мясо зайца, иванкинские – мясо лося и утиные яйца (только женщины), на р. Кёнге существовал пищевой запрет на мясо куропатки и лебедей, на р. Оби нельзя было есть диких гусей. Некоторые селькупы отказывались употреблять в пищу мясо курицы, свинины и конины, селькупы, проживавшие по соседству с татарами, отказывались есть конскую колбасу, изготавливаемую теми, из-за названия «кызы» (у селькупов «кызы» - злой дух, черт)¹⁷⁹. В большинстве своем, такие пищевые запреты были связаны, в первую очередь, с верой селькупов в тотемных животных. Так, к примеру, выше уже говорилось, что тымские селькупы не употребляли в пищу мясо медведя, на р. Тым существовал большой селькупский род «Коркыт тамдыр» - род Медведя, что объясняет запрет, т.к. этот зверь был для них священным. Другая причина – селькупы считали, что медведь их «старший брат», а значит, убить и съесть медведя для них означало то же, что убийство и поедание человеческого мяса.

Среди хозяйственных занятий народов Северного Алтая первенство принадлежало собирательству и земледелию, поэтому растительные продукты преобладали в рационе народа. Ягоды, кедровый орех, дикий лук и чеснок употребляли в сыром виде, черемшу заготавливали на зиму, добавляли в качестве приправы при приготовлении супов и других блюд, употребляли в сыром виде¹⁸⁰. Челканцы из луковиц кандыка и сараны готовили жидкую похлебку – тире¹⁸¹. Выращенные злаки (просо, пшеница, рожь, ячмень) северные алтайцы использовали как в качестве круп, так и перемалывали в муку, из которой готовили пельмени, лапшу, выпечку. Одним из самых любимых блюд у кумандинцев было толочно (талкан/талган) – обжаренные, а затем перемолотые зерна ячменя, талкан шел на приготовление каш. Мука, полученная из сырых зерен, шла на приготовление теста, из которого кумандинцы изготавливали лапшу, хлеб и лепешки для казан тертика (блюдо похожее на бешбармак)¹⁸².

Мясная пища у северных алтайцев была представлена мясом диких и домашних животных. Помимо мяса кумандинцы использовали в пищу внутренности домашних животных, а именно легкие, почки, сердце и кишки, также в кухне использовались

¹⁷⁷ Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Труды Института этнографии. Москва; Ленинград, 1952. Т.23. С. 97 – 98.

¹⁷⁸ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 132.

¹⁷⁹ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Пища и домашняя утварь // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.123.

¹⁸⁰ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.123.

¹⁸¹ Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 476.

¹⁸² Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.355.

исключительно животные жиры¹⁸³. Внутренности домашних животных использовались в качестве компонентов разных блюд, так известна кровяная колбаса с крупой и луком, где в качестве оболочки используется прямая кишка. Кроме того, известно, что широкое распространение у кумандинцев получила колбаса из конины с салом – каазы¹⁸⁴. Блюдо шургем готовилось из внутренностей животных (овечье сердце, печень, легкие, диафрагма, желудок и внутреннее сало, кишки), блюдо пыжым (толстая кишка табаранга, набитая кровью, осердием, печенью и салом), казыльбельмене – блюдо, похожее на пельмени (конский жир, лук, тесто), карын (из коровьей требухи, лука, овечьего жира). Внутренности диких животных употребляли в пищу лишь в сыром виде¹⁸⁵. Однако имеются сведения о приготовлении блюд из желудка сурка. В качестве ингредиентов использовались внутренности диких животных (легкие, сердце, почки, печень), которые нарезались и забивались в желудок сурка, затем желудок завязывали с обеих сторон, варили в кипящей воде, после чего подавали на стол в нарезанном виде¹⁸⁶. Традиционно, во время забоя животного готовили блюдо баш эт – «мясо головы» - это вареное мясо головы с добавлением шейной мякоти и ребер¹⁸⁷. Для заготовки мясо на зиму его вялили или сушили. Собственно, из мяса готовили мясные бульоны (мун), мясные щи (аскан ургажи). Вареное мясо подавали отдельно от гарнира, то есть его отваривали в котлах, потом выкладывали в отдельную посуду, а в бульон закидывали лапшу¹⁸⁸.

Рыбе отводилось свое место в традиционной кухне кумандинцев. Известно, что кумандинцы не ели жареную рыбу, зато готовили уху с мучной болтушкой, пекли пироги, иногда запекали в собственном соку на сковороде¹⁸⁹. Мелкую рыбу (гальян) сушили, измельчали и добавляли к лапше. Перемолотый порошок «урак» добавляли в бульоны, омлеты, кипяченое молоко. Рыбу солили, вялили, сушили для долгой сохранности¹⁹⁰.

Известно, что молочные продукты северные алтайцы употребляли в пищу. Из свежего молока (сут) они варили каши, заправляли им талкан. С отстоявшегося молока они ложкой снимали сливки, которые загустевали в отдельной посуде, становясь сметаной (каймак), которую, в свою очередь, взбивали в масло (сарью). Масло перетапливалось на медленном огне и хранилось в берестяных туесках или крынках. Из прокисшего молока (прастык) делали творог (арчи). Из творога готовили сыр (курут)¹⁹¹.

¹⁸³ Там же. С. 355.

¹⁸⁴ Там же. С. 357.

¹⁸⁵ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953. С.54.

¹⁸⁶ Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 357 – 358.

¹⁸⁷ Там же. С. 357.

¹⁸⁸ Там же. С. 358.

¹⁸⁹ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.126.

¹⁹⁰ Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 358.

¹⁹¹ Там же. С.358.

Из напитков северные алтайцы предпочитали травяной чай из листьев смородины, земляники, малины. Тубалары добавляли в чай молоко. Из сквашенного молока гнали молочную водку (ара)¹⁹².

Пищевые запреты существовали и у кумандинцев. Так, беременные женщины не могли употреблять в пищу мясо диких животных и сушеную рыбу. Юноши до 17 лет и женщины не могли есть блюдо из варенного мозга с кровью и жиром¹⁹³.

Таблица 5 – Пища нарымских селькупов и северных алтайцев¹⁹⁴

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Рыба	
Пироги с рыбой	
Вяленая рыба, сушеная рыба	
Печенная рыба	
Чапса	
Рыбный суп с крупой	Уха с мукой
Порса (рыбная мука)	Урак (рыбная мука?)
Рыбий жир	
«Чушь»	
«Живая» стерлядь	
Уха «без рыбы»	
Мясо	
Мясо лося	Кровяная колбаса
Мясо зайца	Колбаса из конины – каазы
Мясо боровой дичи	Баш ат «мясо головы»
	Блюда из внутренностей и внутреннего жира
	Вяленое мясо
	Сушеное мясо
	Мясные щи (аскан ургажи)
	Мясной бульон (мун)
	Тутпаш (вареное мясо и лапша)
Растительная пища	

¹⁹² Сарбашева С.Б., Маслов Д.В. Тубалары. Хозяйственные занятия и материальная культура. Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 503.

¹⁹³ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.127.

¹⁹⁴ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

Дикий чеснок, лук	
Черемша	
Черемуха, смородина, малина, земляника	
Корни сараны	Кандык
Злаковые (ячмень)	Злаковые (пшеница, рожь, просо, ячмень)
Лепешки из ячменя	Лапша, хлеб, лепешки на казан тертик
	Толокно (талкан/талган)
Молочные продукты	
Молоко (в н. XX в.)	Свежее молоко (сут)
	Сметана (каймак)
	Масло (Сарья)
	Прокишшее молоко (прастык)
	Творог (арчи)
	Сыр (курут)
Напитки	
Чага со смородиновым и малиновым листом	Чай: листья малины, смородины, иван-чая, белоголовника, душицы
Отвар из шиповника	Кирпичный чай
	Чай с добавлением талкана
Брага	Молочная водка (ара)

Из приведенной выше таблицы следует, что у селькупов и северных алтайцев в пище наблюдаются и сходные, и различные черты. У селькупов, по сравнению с северными алтайцами, большее разнообразие в рыбном рационе. Это объясняется, в первую очередь, более развитой речной системой. С другой стороны, на северных алтайцев на момент XIX – первой трети XX веков большое влияние оказала тюркская культура, в основе которой лежат скотоводство, а не рыболовство. Однако, тем не менее, общие рыбные блюда все же существуют, и если рыбные пироги, печеная, вяленая, сушеная рыба и уха не вызывают вопросов, потому как характерны для многих других народов, то наличие такого продукта как рыбная мука уже интересно. Известно, что рыбная мука «порса» была характерной особенностью традиционной кухни селькупов, однако при изучении пищи северных алтайцев автор встретила упоминание о бытовании у них «урака», который по способу приготовления является аналогией селькупской «порсы». Таким образом, общие рыбные

блюда у селькупов и северных алтайцев существовали, однако именно наличие «рыбной муки», на взгляд автора, может служить свидетельством общего прошлого у этих народов.

Мясная и молочная пища не может служить индикатором для определения этногенетических связей у изучаемых народов. Охота, и тем более скотоводство, не были ведущими отраслями занятий селькупов, вследствие чего мясной рацион у них был скуден. В сравнении с ними у северных алтайцев существовало большое разнообразие мясных блюд, автор считает, что на этом сказалось тюркское влияние.

Пища растительного происхождения у обоих народов представлена сходными продуктами. Так особое место в традиционной кухне занимала черемша (колба), известно, что и нарымские селькупы, и северные алтайцы ели ее и в сыром виде, и пекли пироги с ней, заготавливали на зиму, использовали в качестве приправы. То же можно сказать относительно дикого лука и чеснока. Сохранились сведения, что злаковые употреблялись в обеих культурах, у селькупов, как и у челканцев, на первом месте был ячмень. Одни и те же ягоды употребляли в пищу представители этих этносов, как и травяной чай готовился из листьев этих ягодных кустов. Из спиртных напитков у селькупов была известна брага, у северных алтайцев о ней нет упоминаний, однако существуют свидетельства об изготовлении северными алтайцами молочной водки, которая не была распространена среди селькупов, с силу отсутствия у последних молочных продуктов.

Таблица 6 – Пищевые запреты¹⁹⁵

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Мясо медведя (Тым)	Мясо диких животных (только для беременных женщин) (кумандинцы)
Мясо лося (Кеть)	
Мясо лебедей	
Мясо волка, лисицы, соболя	
Утиные яйца (только для женщин) (Кеть)	Сушеная рыба (только для беременных женщин) (кумандинцы)
Конина, курица, свинина	
Мясо куропатки (Кёнга)	
Мясо зайца (Парабель)	
Каазы (колбаса из конины с салом)	

Пищевые запреты существовали в культуре обоих народов. У селькупов это объяснялось часто верой в общее происхождение с отдельными животными, например, с медведем. Мясо зайца не употребляла в пищу лишь одна группа селькупов, объясняя это

¹⁹⁵ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

плохой приметой, т.к. заяц – слишком трусливое животное. На конину, курицу, свинину как такового запрета не существовало, однако селькупы предпочитали не есть мясо этих животных. Интересно, что любимое блюдо кумандинцев – конская колбаса «каазы» у селькупов была под строжайшим запретом, так как «каазы» с селькупского переводится «чертово мясо». Вместе с тем, у обоих народов существовали пищевые запреты, которые касались исключительно женщин: у селькупов это – утиные яйца, у кумандинцев – мясо диких животных и сушеная рыба. Судя по выявленным пищевым запретам, автор считает, что делать выводы об общности культур изучаемых народов преждевременно, для этого необходимо более детальное изучение ряда других характерных черт культуры.

Одежда. Для продолжения выявления самодийского субстрата рассмотрим особенности национальной одежды.

Начнем с верхней одежды. Верхняя одежда у нарымских селькупов была распашная. «Верхнее платье состоит из короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распахивающейся спереди; у мужчин она ровная, а у женщин с несколькими складками назад»¹⁹⁶. Итак, вся одежда у селькупов называлась «порга». Это же название носила и верхняя одежда, описанная Кастреном. Г.И. Пелих, описывая зимнюю верхнюю одежду, дает ей название «конепорга» и приводит следующее описание «старинные зимние шубы покрывались сверху крапивной тканью, а позже покупной материей. меховой подклад собирался из беличьих, собольих и заячьих лапок или из утиных головок. Кусочки меха сначала нашивали на кожаные ремни или полосы грубой прочной ткани. Потом все сшивали вместе.»¹⁹⁷. У чумылькупов р.Тыма и р. Чижапки основой сборного меха являлись беличьи лапки, шкурки с утиных голов были в ходу на Чижапке, на Парабели чаще всего использовали соболиные лапки. Иногда вся меховая часть порги собиралась исключительно из лапок соболя или белки, однако чаще всего это было комбинирование лапок соболя, белки, рыси, с дополнением из разрезанной на полосы шкурки горностая. Шуба имела запах правой полы на левую и застегивалась с помощью петелек и палочки, которая в эту петельку продевалась. Горловина была глухая, на Чижапке обшивалась шкурками с утиных голов, на Тыму – из беличьих хвостов и шкурок с хвостом горностая, там же встречались отложные меховые воротники. Подол шубы украшался меховой отделкой, часто отделка была из горностая с хвостом. Мужские шубы были длиной чуть ниже колен, женские – по щиколотку. В качестве промысловой одежды селькупы использовали парку («кырняжку»), ее особенность заключается в следующем: шуба всегда была цельнокроеная, мехом наружу, на животе полы расходились, полы соединялись на завязки, задняя часть была длиннее передней, длина всей

¹⁹⁶ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.131.

¹⁹⁷ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.41.

парки была примерно до колен. Длинные шубы из сборного меха представляли особую ценность, так в XIX – начале XX вв. такая шуба служила обязательным элементом калыма, который выплачивал жених семье невесты, сборный мех, в данном случае, демонстрировал богатство промысловых угодий и охотничье мастерство жениха¹⁹⁸. Н.А. Тучкова отмечает, что есть свидетельства о существовании коротких меховых курток у нарымских селькупов. Такие своеобразные меховые жилеты бытовали у селькупов, проживающих в бассейне рек Тым и Парабель. Известно, что такая одежда изготовлялась как мехом во внутрь, так и наружу, если предполагалось носить мехом наружу, то шили так, чтобы все хвосты и лапки свободно свисали¹⁹⁹. По мнению Кастрена, селькупы, из-за сокращения популяции оленя, перешли с одежды из оленьей шкуры на русские кафтаны из толстого сукна, покрой которых в точности повторял традиционную шубу, назывался такой кафтан «зипуном»²⁰⁰. В начале XX века у нарымских селькупов появились длинные овчинные тулупы мехом внутрь и длинные собачьи дохи мехом наружу²⁰¹. Разновидностью верхней плечевой одежды нарымских селькупов был легкий суконный халат «кваймы». Такая одежда имела боковые швы, сходящиеся полы, но застежки отсутствовали. Есть сведения, что кваймы шили из крапивной ткани, позже из плотного сукна. Длина кваймы чаще всего была ниже колена²⁰².

Нательная одежда нарымских селькупов была представлена тканными рубашками. По свидетельству А.Ф. Плотникова на начало XX века селькупские мужчины имели по несколько ситцевых рубаш и могли надевать на себя сразу по две – три рубашки, это служило показателем достатка. Женщины не носили ни юбок, ни рубаш, единственная нательная одежда – это ситцевое платье, которое надевали на голое тело²⁰³. Однако в первой четверти ситцевые платья оказались вытеснены юбкой и кофтой, возникшими под влиянием русской моды. В первой четверти XX в. мужская рубашка у селькупов была до середины груди с широким, отложным воротником, ластовица, разрез на груди, обшлага рукавов и воротник иногда делались из материи цвета отличного от цвета рубашки²⁰⁴.

Сложно переоценить значимость рыбного промысла. Нарымские селькупы изготавливали брюки («пюме») из кожи налима, а рукавицы («ноп») – из стерляжьей кожи, снятой мешком. При изготовлении брюк рыбью кожу сначала высушивали в растянутом состоянии, затем промазывали жиром и мяти руками. Со стерляжьей кожи при шитье рукавиц («ном») не снимали жесткую чешую, костяная чешуя добавляла крепости

¹⁹⁸ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.172 – 174.

¹⁹⁹ Там же. 175.

²⁰⁰ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.131.

²⁰¹ Там же. С. 175.

²⁰² Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.41.

²⁰³ Плотников А. Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 73.

²⁰⁴ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.180.

рукавицам²⁰⁵. Известны также такие разновидности рукавиц, как исподки (вязанные из овечьей шерсти на одной игле) и верхонки (сшитые из оленьего камуса, собачьих шкур, брезента)²⁰⁶. В конце XIX – начале XX в. штаны шились из телячьих шкур. Селькупские женщины в повседневной жизни штаны не носили, надевали их лишь отправляясь на промысел²⁰⁷.

Кастрен, путешествуя по Сибири, нашел свидетельства бытования у нарымских селькупов обуви, которая изготавливалась из оленьей шкуры, длинные голенища шились частью из мягкой кожи оленя, часть из толстого сукна²⁰⁸. Такая обувь напоминала, скорее, чулок. Селькупские женщины надевали в обувь чулок до бедра для сохранения тепла, чулки вязали из шерстяной нитки на одной игле, пятку отдельно не вывязывали, таким образом чулок был в форме мешка, мужские носки вязались таким же способом, единственное отличие в том, что последние были короткие²⁰⁹. Самая распространенная обувь у нарымских селькупов называлась «чирки» и состояла из трех частей: подошвы, головки и голенища. Головка чирка шилась чаще всего из кожи, подошва кроилась отдельно. У щиколотки пришивалась полоска кожи, иногда изготовленная из заячьего меха, через эту полоску протягивался шнурок, который при стягивании плотно обхватывал ногу. Женщины и мужчины носили такие чирки, однако если мужчина собирался отправиться в дальний путь, то к чиркам пришивались голенища. Голенища могли изготавливать из шкуры осетра, лосиных камусов или сукна. Высота чирков доходила до колена, там они повязывались ремешком. Зимой чирок утеплялся озерной осокой, позднее стали надевать на ногу портянку²¹⁰.

Головной убор у мужчин был высокий и остроконечный из мягкого оленьего меха, у женщин – плоский и закругленный из меха белки или горностая²¹¹. Селькупская шапка имела название «капор», южные селькупы подкладку делали из сборного меха, а верх обшивали тканью²¹². Описанная Кастреном остроконечная шапка имела свою форму за счет того, что была скроена из широких клиньев, которые собирались вертикально к макушке. Часто такая шапка могла быть оторочена мехом выдры, оленя, белки, шкурой гагары, лебедя или лисьими лапками²¹³.

²⁰⁵ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.41.

²⁰⁶ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.187.

²⁰⁷ Там же. С.181.

²⁰⁸ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.131.

²⁰⁹ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.184.

²¹⁰ Там же. С.181.

²¹¹ Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.132.

²¹² Шатилов М.Б. Остяко – самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 164.

²¹³ Там же. С. 164 – 165.

Особое место в культуре любого сибирского народа занимал пояс, каждый человек старался сделать свой пояс особенным, украшал его разнообразными способами. Традиционно пояса делились на мужские и женские. Селькупские мужчины в повседневной жизни редко носили пояс, однако отправляясь в тайгу на промысел непременно подпоясывали верхнюю одежду. К поясу подвешивали нож в деревянных ножнах и сумку, где находились кремь, огниво и трут, позднее спички и табак. На Тыму бытовали широкие пояса, обшитые сукном, имеющие по три завязки с каждого конца, иногда встречались пояса, украшенные бисером, нашивками из ткани и пуговицами. На Парабели пояса были мягкие и тонкие кожаные, иногда подпоясывались скрученным в жгут лоскутом ткани. Женский пояс представлял собой плетенные шерстяные нитки, подобно мужчинам, в повседневной жизни женщины не носили пояс²¹⁴.

Рассмотрение традиционного костюма северных алтайцев так же стоит начать с верхней одежды. Мужская верхняя одежда кумандинцев была представлена короткой овчинной шубой, холщовым халатом (кедерек) и войлочным пальто (саранда)²¹⁵. Войлочные кафтаны, по свидетельству В.И. Вербицкого покрывали холстом и стежали²¹⁶. Зимой мужчина также носили шубы, полушубки и капталы²¹⁷. Другой верхней одеждой северных алтайцев был распашной (запахивался на правую сторону) халат длиной до колен, его могли носить как нараспашку, так и подпоясанным. Женская зимняя верхняя одежда (шуба, пальто) шилась по подобию мужской, однако праздничное пальто («кызыл шекпен») изготавливалось из самотканого сукна, окрашенного в красный цвет и украшенного черной каймой. Осеннее пальто («караштай сокон») имело орнамент ромбовидных фигур и имело ворот из серой ткани. Женский халат («чекпен») был обычно красного цвета, в таком варианте он выступал, как праздничная одежда. Если халат изготавливался из домотканой шерсти, и носил название «армок», то это была уже повседневная одежда. Известен еще женский шелковый халат ньанмек, который являлся исключительно праздничной одеждой²¹⁸.

Под халатом мужчины носили кугнек – белую холщовую рубашку без воротника, которая имела туникообразный покрой. В конце XIX в. мужская холщовая рубаха стала более свободного покроя, носили ее по-прежнему подпоясанной.

²¹⁴ Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 187 – 188.

²¹⁵ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.130.

²¹⁶ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого Горно – Алтайск, 1893. С.11.

²¹⁷ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.132.

²¹⁸ Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.351.

Мужские штаны эр кижиньц штан, шанмар шились из белой холщовой ткани. Два полотнища складывали и между ними вставлялись широкие клинья длиной до пояса, вместо пояса использовали шнурок, вставленный в подготовленный рубец²¹⁹. У женщин было несколько разновидностей рубах: «уй кижиньц чамчазы» - повседневная рубаха из домотканого холста белого цвета, «кеден чамчазы» - холщовая рубаха белого цвета, «чамча» - девичья белая холщовая рубаха. Все рубахи имели на груди складки²²⁰. Женское праздничное платье «кунек» изготавливалось из сатина и имела глухой ворот из черного материала и широкий подол. Женские платья и рубахи имели удлиненную заднюю часть подола²²¹. К платьем и рубахам часто пришивался стоячий воротник «дьяка», который был заимствован у телеутов²²².

Головные уборы представлены льняными шапками-колпаками. Такой колпак выкраивался из одной полосы домотканого холста, который собирался на темени и пришивался к кружку из такой же ткани. Часто можно было встретить такие шапки, обшитые мехом или материей другого цвета. Помимо этого существуют упоминания о бытовании в прошлом у кумандинцев шапки из лисьей шкуры²²³.

Основной промысловой обувью мужчин являлись сапоги «икши», голенища таких сапог доходили длиной до колена, где завязывались с помощью шнурка, продетого в специальное отверстие. На пятке таких сапог имелась специальная петля, в которой закреплялась специальная деревянная палочка, на нее надевался ремень лыжного крепления. Обувь шилась из разной кожи: подошла- из толстой конской кожи, голенища изготавливались из коровьей или свиной кожи. Для обеспечения непромокаемости кожу обильно смазывали гусиным жиром, а для тепла обматывали ноги портянками и подгладывали сухую траву²²⁴. Повседневной мужской обувью были сапоги ар одук. Головка такой обуви была кожаная, к ней пришивалось холщевое голенище, подошва тоже была сделана из кожи. У женщин была точно такая же обувь для работы, носившая название «уй кижиньц»²²⁵. Традиционная женская обувь – «шарык» представляла собой низенькие галоши со слегка загнутым носом, изготовленные из грубой кожи без голенищ, край был отделан цветной материей. Подкладкой такой обуви служила сухая трава²²⁶. Под обувь женщина надевали шерстяные вязаные чулки с высоким голенищем «кышту шулуук». Под сапоги или валенки кумандинцы носили войлочные чулки «ук». Также зимой северные алтайцы

²¹⁹ Там же. С. 351.

²²⁰ Там же. С. 353.

²²¹ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.133.

²²² Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 353.

²²³ Там же. С. 353.

²²⁴ Там же. С.353.

²²⁵ Там же. С. 354.

²²⁶ Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 40.

обязательно носили рукавицы «альта» из толстой шерсти, вязались они при помощи костяной иглы, узоры вывязывали спицами²²⁷.

Говоря о поясах, необходимо отметить, что у кумандинцев мужские пояса были преимущественно из цветных шерстяных нитей и имели ширину до 10 см, длину до 3 м²²⁸. Часто на мужской пояс подвешивались кисет, небольшой нож в кожаных ножнах, сумка с кремнием и огниво²²⁹. Женские пояса от мужских отличались лишь тем, что были значительно уже и чуть короче²³⁰.

Таблица 7 – Национальная одежда

Нарымские селькупы	Северные алтайцы
Порга (пальто с подкладом из кусочков меха)	Шуба
Кырняжка (шуба мехом наружу)	Каптал
Меховой жилет	Полушубок
Овчинный тулуп	Овчинная шуба
Собачья доха	Саранда (пальто из войлока)
Зипун	Кедерек (холщовый халат)
Кайма (халат?)	
Нательная одежда, брюки	
Рубаха	Рубаха прямого покроя
Платье	Туникообразная рубаха
Пюме	эр кижиньц штан, шанмар
	Женское платье
Головной убор, обувь	
Платок	Платок
Капор	Шапка-колпак
Женская шапка	Шапка из лисьего меха
Чирки	Икши (высокие сапоги)
Чулки? Из оленьей кожи	Ар одук
	Шарык
	Уй ки жиньц
Рукавицы, носки, пояс	

²²⁷ Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 353.

²²⁸ Там же. 351.

²²⁹ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С.130.

²³⁰ Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С.353.

Исподки	Альта (шерстяные рукавицы)
Верхонки	
Ноп	
Длинные женские шерстяные чулки	
Мужские вязаные шерстяные носки	
Пояс женский из шерстяных ниток	Пояс из шерсти мужской и женский
Пояс мужской из выделанной кожи оленя	

Итак, резюмируем вышенаписанное. В традиционной одежде обоих народов имеются как сходства, так и различия. Остановимся на некоторых из подробнее. Наибольший интерес для автора представляют селькупские шубы из сборного меха, Н.А. Тучкова в диссертации также обращала внимание на этот феномен²³¹. Зимы в Нарымском крае всегда отличались своей суровостью, поэтому возникает вопрос об эффективности такой шубы по сравнению с шубой из цельного меха. Безусловно, шуба из цельного меха более надежное средство против холода, однако бытование у нарымских селькупов шубы из сборного меха сомнения не вызывает. Возникает логичный вопрос, с чем такой было связано? Очевидно, что дело здесь не в бедности, автор, описывая традиционную шубу селькупов, отмечал, что шуба из сборного меха служила показателем богатства охотничьих угодий и мастерства мужчины. Именно поэтому шуба состояла из множества лапок, хвостов, утиных головок, интересно другое, цельную шкурку, например, горностая, специально разрезали на ленты, а потом пускали в шитье. Таким образом, вся шуба представляла собой набор лоскутков. Такая технология точно не была изобретена под воздействием сильных морозов, и тут автор выражает согласие с позицией Н.А. Тучковой, это сильный аргумент против автохтонности селькупов. Однако, обратим внимание на приведённую выше таблицу, подобной одежды у северных алтайцев автор так же не выявила. Скорее всего, это можно объяснить тем, что в выбранные хронологические рамки такая технология уже была утрачена, потому что в литературе существуют сведения о бытовании подобной технологии изготовления одежды на территории Горного Алтая в V – III в. до н.э.²³².

Другой интересной особенностью является наличие у нарымских селькупов халата (каймы), исследователи утверждают, что такая одежда встречается лишь у южной группы селькупов. Обратим внимание на одежду северных алтайцев, халаты находились у них в

²³¹Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук. Томск, 2018. С. 185 – 186.

²³² Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. – Л., 1960. С. 206.

широком обиходе. Кумандинский халат кедерек по описанию в точности повторяет селькупскую кайму.

Остальные сходства в одежде не столь значительны, так как та или иная одежда в XIX – XX веке уже бытовала у представителей разных народов. Так, к примеру, селькупские исподки по описанию совпадают с северо-алтайскими альтами, однако имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы делать выводы о преемственности культуры. Различия также вполне объяснимы. Большую роль в традиционной одежде селькупов играли материалы, полученные в ходе рыбного промысла. Однако, мы уже выяснили, что рыболовство в культуре северных алтайцев занимало далеко не первое место, что объясняет отсутствие среди национального костюма одежды из рыбьей шкуры.

В данной главе автор провела сравнение материальной культуры через сравнение рыболовного и охотничьего инвентаря, предметы собирательства, национальной кухни и одежды. По каждому вопросу представлены сравнительные таблицы, которые, в большинстве своем, доказывают наличие общего этнического субстрата у изучаемых народов. Автор не приводит сравнение животноводства и огородничества, потому что в изучаемых период у некоторых групп нарымских селькупов данные занятия еще находились в зачаточном положении и были переняты у русских, что исключает возможность выявления самодийского субстрата. При написании настоящей главы были поставлена задача выявить общее и особенное в хозяйственной деятельности и материальной культуре северных алтайцев и нарымских селькупов, автор считает, что задачу можно считать выполненной.

3.1 Мифологические представления

Как известно, селькупам свойственно делить Вселенную на три мира: верхний, средний и нижний, который в вертикальной картине мира представляется как подземелье и ассоциируется с темнотой, злом и смертью. Этот аспект не является уникальным, подобные описания можно встретить у многих народов, не является исключением и античная мифология. В горизонтальной картине мира весь мир представляется, как река, где верхним миром считаются верховья реки, средним, населенным людьми, - среднее течение реки, нижним – устье реки²³³.

Интересно, что селькупы не воспринимали мир мертвых, как некую разрушительную силу. Напротив, тымские селькупы (чумылькупы) считали, что их прародительницей является дочь подземного старика (чут ылгыт арат не), которая, по легенде, бытовавшей на Тыму, из-за обмана мужа убежала к своему отцу подземному старику (лоз ара), жившему глубоко под землей, там она родила единственного сына, от которого пошли чумылькупы²³⁴.

Селькупы считали, что подземный мир имеет жизнь. Там светят луна и солнце, только противоположно миру живых, то есть, когда на земле идет день, под землей – ночь. Покойники ведут свою жизнь: живут в чумах, охотятся, многие находятся там целыми семьями, иные ждут своих родных. Там не существует проблем, люди живут сыто, все благоденствуют. Все это присуще вертикальной картине мира, в горизонтальной же все несколько иначе. Считается, что в устье реки находится город мертвых, куда покойники плывут в долбленных из кедра колодах.

Нижним миром у селькупов считались кладбища – родовые «стойбища мертвых» или «покойнические холмы», располагавшиеся всегда на берегу реки, на нижнем участке течения, проходившем по родовой территории. Считалось, что жилищем мертвецов там служат многочисленные гробы²³⁵.

Деревья занимали особое место в мировоззрении селькупов. Считалось, что по жертвенным деревьям (коссый по) просьбы людей уходят на небо или в мир умерших. На всех культовых местах селькупов обязательно были деревья, на них часто вырезали личины. По поверью, деревья обладают большой энергетической силой, которую они могут передать человеку. Считалось, что у каждого селькупа есть свое дерево, но, чтобы его найти,

²³³ Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов// Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. Санкт – Петербург, 2007. С. 182 – 183.

²³⁴ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, ТГУ, 2004.С. 310 – 311

²³⁵ Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов// Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. Санкт – Петербург, 2007. С. 182.

необходимо прислониться спиной к стволу, так человек должен почувствовать подходит оно ему или нет. Не стоит прислоняться к корявым, гнилым деревьям, так как они тоже обладают мощной энергетикой, но у них она плохая, тяжелая, и если человек выберет для себя такое дерево, то большая тяжесть ляжет на его плечи²³⁶. В селькупской мифологии есть такой персонаж, как Корневой старик, он жил у истока реки, где проросло священное дерево, корни этого дерева были истоками рек, из этих же корней выходили человеческие души. Существует также предание о семикорневом дереве, в котором живут семь змей, охраняющих души до рождения²³⁷.

В представлении селькупов все духи имели сторговую иерархию. На вершине находились духи-хозяева природных стихий и местностей. Они не были добрыми или злыми, но селькупы верили, что они помогают им в промысле, поэтому старались их всячески задобрить. Далее шел главный злой дух Ло, ему подчинялись другие злые духи – лозы. Возможно, Ло – это существо женского пола, которое появляется из-под земли под видом старухи. Все злые лозы живут в земле. Они боятся молнии и грома, поэтому во время грозы прячутся в дупла деревьев. Такие лозы ростом с человека, все покрыты шерстью и имеют единственный глаз на лбу, поэтому к ним часто применим эпитет «одноглазый черт»²³⁸.

Помимо этого, Ло имеет помощников, которые носят название «тчугъл лооз». Они, подобно другим покойникам, обитают под землей семьями. Они плодятся как ягода. Любой человек может стать тчугъл лозом, но для этого нужно иметь очень крепкую веру в Ло. Иногда Ло сам выбирает себе душу в прислужники, обычно это души новорожденных. Тчугъл лоозы стараются всячески нанести вред людям, они даже могут утащить живого человека под землю. Р.А.Ураевым от жителя с.Напас А.Портнягина было записан факт сравнения тчугъл лоозов с иудеями, по легенде, будто бы Христос приходил на землю Тымску и тчугъл лоозы его распяли²³⁹. Но не все лозы злые. Этим словом также называли шаманских духов-помощников, к примеру: логан лоз (лисы дух), коргын лоз (медведя дух). Они имели облик соответствующего животного, помогали шаману в его странствиях, давали информацию во время предсказаний, охраняли от враждебных действий других шаманов.

²³⁶ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187.

²³⁷ Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству// Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. – С. 10 – 11.

²³⁸ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004.С. 186 – 187.

²³⁹Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко – архитектурного музея. Т. 7. Томск, 1994. С. 74 – 78.

Лягушка в мифологии селькупов выступает помощником. Так, по легенде, во время потопа лягушка спасла селькупов, к которым в лодку забрался лоз и продырявил ее, лягушка же собой заткнула отверстия, не дав тем самым лодке потонуть²⁴⁰.

У южных селькупов существуют предания о Мачын нейд – лесной женщине, лешачке. Наиболее развернутое представления о ней записаны в чумылькупском ареале. Считается, что живёт она в лесу и является хозяйкой всех лесных тварей. Её постоянная спутница – белка с золотой лентой или маленькая черная собака. Сама Мачын нейд очень хороша собой: высокая, красивая, волосы длинные до пят, зимой ходит на лыжах, подбитых мехом, к поясу у неё подвешены белечьи шкурки, на голове – белый платок, на ногах – белые чирки. Видеть её к большой охотничьей удаче. На Оби образ Мачын нейд, по фольклорным данным, представляется несколько иначе: делается акцент на её невысоком росте, поэтому её синонимичным именем является «маленькая женщина» (Масуй нейгум), отмечается наличие у неё длинной рыжей косы. Чтобы её задобрить люди специально ставят амбары в лесу и приносят в подарок ткани. Некоторые полотнища ткани Масуй нейгум развешивает на деревьях рядом с амбаром (в знак того, что она приходила, смотрела и всем осталась довольна). Некоторые куски она режет на ленты и метит ими своих белок-спутниц. Лесная женщина может выбрать себя мужа из охотников, в таком случае ему гарантирована большая охотничья удача. Однако, если Мачын нейд заметит измену изранника, то удача от него отвернется, пропадет способность к охоте, а у людей в целом наступит голод и смерть²⁴¹.

В.И. Вербицкий записал некоторые космогонические представления алтайцев. По преданию Ульгэнь создал Эрлика – первого человека из глины. Примечательно, что из остальной глины была создана рыба. Эрлик, изначально бывший другом и помощником создателю, постепенно отдалился от него и сделался тому врагом. Тогда Ульгэнь создал себе друга – богатыря Мангдышире, чтобы иметь возможность противостоять Эрлику. Мангдышире был создан из смеси чугуна с серебром. Ульгэнь сотворил себе еще множество слуг и поселил их в иных мирах, в мире людей он оставил семь мужчин и столько же деревьев. Кости человека были сделаны из камыша, а тело, также как и у Эрлика, из глины. Повернувшись к восточной стороне на золотой горе Ульгэнь создал еще одного мужчину и еще одно дерево, этого человека он наделил знанием о всем необходимом. Через семь лет Ульгэнь пришел к этому человеку и сказал, что тот должен посодействовать в создании людей. Тогда человек, подобно Ульгэню, попытался сотворить женщину из камыша и глины, но состав стал распадаться, на помощь пришла змея, созданная из травы дуновением

²⁴⁰ Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко – самоедского) шамана // Сб. МАЭ. М. – Л., 1949. Т. 11. С. 352.

²⁴¹ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 199 – 201.

человека, которая обвила тело, тем самым скрепляя его. Ульгэнь, увидев все это отправил человеку послание, в котором было сказано, что имя этому человеку Майдере и он будет всем править. Майдере оставил собаку сторожить женщину, а сам отправился к Ульгэню, с просьбой помочь оживить сотворенную. Однако в его отсутствие к женщине пришел Эрлик и дуновением через железную трубку оживил ее, сделав ее душой злой, как у змеи²⁴².

Интерес представляет сюжет творения нижнего мира. Эрлик уговаривал Ульгэня дать ему кусочек земли, где тот мог бы править, Ульгэнь отказал, Эрлик попросил место с десятину, затем с сажень, затем с четверть аршина, но на все получал отказ. Наконец, Эрлик попросил ровно столько места, чтобы иметь возможность воткнуть свою палку в землю, Ульгэнь согласился. Эрлик тогда полностью забил ее в землю и выдернул, отчего из отверстия вылезла на землю «цепь нечистых гадов и вредных животных», призванных осложнять жизнь алтайцам. Ульгэнь разгневался и свергнул Эрлика в преисподнюю.

Злые духи – это свергнутые сначала с неба, а затем и в преисподнюю слуги Эрика. Они призваны вредить людям, ускорять их смерть, один из слуг Эрлика занимается извлечением души из умерших²⁴³.

Деревья обладали особой значимостью для северных алтайцев. Так, к примеру, кумандинцы считали, что у каждого человека было дерево-двойник, жизненный цикл которого совпадал с человеческим. Поэтому здоровые деревья старались не рубить, а после смерти человека ему из сухостоя изготавливали гроб-колоду²⁴⁴.

По легенде кумандинские охотники вступали в брачную связь с хозяйками гор (обнаженные рыжеволосые девушки). Брак с Хозяйкой Гор сулил охотнику большую промысловую удачу, однако брак, чаще всего, недолговечен, охотник предпочитает возвращаться домой²⁴⁵.

Автор не приводит подробного описания всех мифологических сюжетов изучаемых народов, так как уже проведенный сравнительный анализ дал искомый результат. В ходе проведения сравнительного исследования мифологических сюжетов подтвердилась точка зрения Сагалаева о том, что выявленные сходства далеко не всегда могут свидетельствовать о родстве народов²⁴⁶. Так автор, обратившись к этнографической литературе по мифологии других сибирских этносов, выяснила, что выявленные сюжеты наблюдаются у многих

²⁴² Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоирея В.И.Вербицкого/ под ред. А.А.Ивановского. М., 1893. С. 91 – 92.

²⁴³ Там же. С. 100.

²⁴⁴ Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1991. С. 199.

²⁴⁵ Дыренкова Н. П. Охотничьи легенды кумандинцев// Сб. МАЭ. М. – Л., 1949. Т. XI. С. 116 – 131.

²⁴⁶ Сагалаев А.М. Урало – алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

соседствующих народов. Таким образом, автор считает, что мифология – не может считаться хорошим маркером для решения вопроса этногенетического родства.

3.2 Некоторые черты традиционной обрядности

Родильная обрядность. Рождение ребенка является важнейшим событием в жизни любого человека. У селькупов рождение ребенка сопровождалось рядом обрядных действий. Роженица оправлялась в специально построенный для нее чум или же в помещение, откуда все мужчины предварительно удалялись. Никогда селькупка не стала бы рожать в том месте, где до нее рожала другая женщина, это считалось очень дурной приметой. Процесс родов зависел, как считалось, от моральных качеств женщины, так если она вела неблагочестивый образ жизни, была неверной, то и роды проходили трудно и болезненно.²⁴⁷ Другой причиной трудных родов могло быть появление Ло (черт, злой дух). «Иногда Ло сама выбирает душу новорожденного человека и превращает его в чугыль лоз. Как правило, ребенок в таком случае трудно появляется на свет. Длительные роды завершаются тем, что приходи Ло в виде старухи и велит ребенку родиться (дает ему душу), но обещает, что через три года она заберет его к себе, «ибо я дала ему душу, и он принадлежит мне». В момент внедрения души Ло борется с посланниками бога Ноп кула. Если побеждает она, то ребенок через три года умирает, а его душа становится чугыль лоз»²⁴⁸.

«Первую неделю (от рождения до отпадения пуповины) ребенок находился во временной колыбели – берестяной коробочке, представляющей собой кусок бересты с загнутыми вверх углами»²⁴⁹. Селькупы старались всячески защитить ребенка, особую опасность, на их взгляд, представляли лозы (злые духи). Так Г.И.Пелих на Тыму было записано: «Раньше лозы часто детей воровали. Пока ребенок маленький, чтобы его не замечали лозы, надо ему в люльку (под опилки) нож положить. Лоз наколется о нож и ребенка не возьмет. А то лозы могут подменить, своего ребенка подсунут. Подсунутый лозами будет век мучиться, а не расти»²⁵⁰. Когда у младенца отпадала пуповина, селькупы устраивали ей похороны. Для этого ее помещали в набирку, изготовленную из бересты, по форме напоминающая треугольник. Обряд захоронения пуповины очень напоминал обряд всячего захоронения человека.

До 3-4 месячного возраста ребенок находился в специально изготовленной для него колыбели из бересты. На дне колыбели лежали гнилушки, на которые, в свою очередь, был

²⁴⁷ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 125.

²⁴⁸ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 186.

²⁴⁹ Там же.С.128.

²⁵⁰ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. ТГУ, 1972. С. 337.

насыпал заячий или олений пух. Зимой колыбель находилась в специальном мешке из оленей шкуры. Другой вид колыбели – это деревянная лежачая колыбель. В отличие от берестяной она не изготавливалась специально для каждого ребенка, а передавалась от старшего к младшему, в случае, если дети, выросшие в этой колыбели были здоровыми. Если ребенок умирал, то у колыбели на кладбище выламывали днище, а саму вешали на ближайшее дерево. Для мальчиков колыбель изготавливалась из кедра или ели, для девочек – из березы. У нарымских селькупов, помимо выше описанных, известна колыбель, сделанная в форме четырехугольника из деревянных реек, днище у такой колыбели было из полотна. От углов колыбели были протянуты ремни, которые крепились на крюк, который, в свою очередь, был закреплен на тетиве лука. Лук подвешивали к потолку²⁵¹. Сидячую колыбель ребенок получал, только когда у него прорежутся зубы, с этого момента его начинали считать человеком, до этого же его относили к категории существ, не имеющих присущих качеств человека. На такую колыбель часто подвешивали украшения как самодельные, так и штампованные.

Для защиты ребенка от лозов использовал обереги. «В Нарыме иногда на спинке колыбели «копт» или на внешней стороне обечайки колыбели «питы» (со стороны головы) вырезали крест, «чтобы, когда останется один, нечистая сила не заглянула и не унесла». Деревянная кукла – покровитель изготавливалась ребенку к появлению зубов и сохранялась у него на протяжении всей жизни²⁵².

Имя ребенку обычно давала старуха, принимавшая роды, в иных случаях – отец, реже – мать. Имена происходили от названий животных (Тама – «мышь»), от слов, обозначающих особенности индивида (Сайгта – «слепой»), от названий частей тела (Мунд – «палец»), от топонимов мест рождения (Ширталя – от гидронима Ширта). Встречались и русские имена, но они обязательно преобразовывались в соответствии с нормами селькупского языка (Яки-Яков, Миха-Михаил)²⁵³. Женским именам не придавали особого значения. А.Ф. Плотников писал: «девочки никого имени не получили»²⁵⁴.

Женщины у кумандинцев предпочитали рожать в доме. В родильной обрядности свое место занимала и бабка-повитуха, она помогала роженице, обрезала пуповину, принимала и обмывала ребенка. Если роды были тяжелыми, то приглашали шамана, который устраивал специальное камлание в доме, чтобы изгнать злого духа²⁵⁵. У челканцев повитуха после родов хоронила послед, помещенный предварительно в берестяной туесок. Пуповину

²⁵¹ Там же. С. 129 – 132.

²⁵² Там же. С. 135

²⁵³ Там же. С.136.

²⁵⁴ Плотников А. Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 40.

²⁵⁵ Назаров И.И., Функ Д.А. Кумандинцы. Общественный уклад и семейная обрядность// Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 334.

ребенка, которая со временем засыхала, хранили в семье²⁵⁶. Грудной ребенок лежал в зыбке, изготовленной из черемухового ствола. Мальчику рядом с колыбелькой селканцы подвешивали лук со стрелой для защиты от злых духов. К самой колыбели привязывали косточку самца рябчика для мальчика, и самки – для девочки²⁵⁷.

Имя новорожденному давала бабка или какой-нибудь посторонний человек. Как правило, давали некрасивое, отпугивающее имя, чтобы оно не понравилось злым духам. Как только ребенок подрастал, ему могли дать новое, благозвучное имя²⁵⁸. Челканцы чаще всего не давали ребенку имя ближайших родственников или соседей, но у них именем ребенку могло стать любое существительное. Если в семье было несколько детей, то их имена часто могли быть созвучны. Имена могли нести какую-то информацию о ребенке, например время, место рождения. Имя ребенку могли дать за какие-то его отличительные качества. Женские имена были более благозвучны и для их выбора не использовались промысловые термины или наименование животных²⁵⁹.

В родильной обрядности селькупов и северных алтайцев наблюдаются сходства. Во-первых, у обоих народов с женщиной находилась повитуха, которая помогала с ребенком. Во-вторых, у обоих народов значимость придается пуповине, как связи матери с младенцем, только у селькупов пуповину «хоронят», а северные алтайцы наоборот хранят ее в семье. Однако, у северных алтайцев повитуха «хоронит» послед, который тоже выступает связью матери и ребенка. В-третьих, интересен факт, что в качестве оберега для мальчика-младенца представители обоих народов использовали лук. Имена и у селькупов, и у северных алтайцев давались по одному принципу.

Свадебная обрядность. В XIX веке селькупская семья часто представляла из себя совместное проживание взрослых братьев вместе с женами и детьми. Взрослые сыновья этих братьев, тоже жили здесь вместе со своими женами и детьми. Так в среднем селькупская семья достигала 20 и более человек. Семьи, как правило, насчитывали от двух до четырех поколений. В Тымской волости примером четырех поколенной семьи являлась семья Куниных. Селькупские семьи состояли не только из родных, но и из двоюродных братьев. Если умирал один из братьев, его вдова оставалась в семье. В случае смерти старшего брата, главой семьи становилась его жена. О наличии семьи подобного типа у южных селькупов

²⁵⁶Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991 С. 284.

²⁵⁷ Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 481.

²⁵⁸ Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко – этнографический очерк. Горно – Алтайск, 1974. С. 109 – 116.

²⁵⁹ Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 482.

свидетельствуют воспоминания Е.Т.Талаевой, которая рассказывала, что у нее в семье жили «семь дядей и братьев, в одном месте дети, жены их...»²⁶⁰.

Говоря о брачных отношениях селькупов, нельзя не обратиться к исследованию Г.И.Пелих. Она выдвинула и доказала теорию о том, что на XIX век у нарымских селькупов действовали нормы кольцевой связи. По данной версии, каждое племя распадалось на три экзогамные брачные группы, среди которых и заключались браки. «Мужчины группы А женились только на женщинах группы Б, те, в свою очередь, женились только на женщинах группы В, мужчины группы В женились на женщинах группы А Селькуп, вступивший в брак вне своего племени, уже выпадал из норм кольцевой связи»²⁶¹.

Однако у селькупов также известны случаи и группового брака. Так начиная с XVII века, были замечены факты наличия у одного лица нескольких партнеров: «у нарымских и кетских остяков жен множество, сколько хотят, столько и держат»²⁶². В юртах Варгананжиных на Тыму со слов Л.У. Пычкиной была записана легенда о происхождении чумылькупов. Из нее следует, что трое братьев победили злого старика с бородой и взяли замуж его дочь. Жили они вчетвером и от них пошли все чумылькупы²⁶³. Авторы XIX-XX века замечали специфическую особенность селькупов – их ветреность. При чем это касалось как мужчин, так и женщин. Имеются сведения, что на начало XX века супружеская неверность среди женщин встречалась очень часто, она же и жестоко каралась. Так, из воспоминаний нарымского селькупа, можно узнать, что за измену женщину били бичом, при этом наказывать ее должен был тот, с кем она изменила мужу. Однако наказание следовало, если женщина изменила с врагами мужа. Если же измена произошла с его родственниками или друзьями, это никак не пресекалось. Так Н.П. Кичев говорит: «нет среди остяков ревности. Если понравилась жена брату, то нельзя возразить, ничего против сказать. Если русский попадет к остякам, если они его принимают хорошо, то предлагают свою дочь, жену». Не было негативного отношения и к добрачным связям молодых людей. Если девушке случалось забеременеть до брака, то родители не винят ее, но пытаются найти отца ребенка, чтобы заставить жениться или же заплатить калым. Последнее часто было предпочтительно.

²⁶⁰ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. С. 89 – 91.

²⁶¹ Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края// Этнографический сборник ТИЭ. М. – Л.,1962. Т. 78. С.182 – 184.

²⁶² Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника... в 1675 г. – Зап. РГО по отделению этнографии, Т.1, вып.1. С. 84.

²⁶³ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 329 – 330.

Женщина в XIX – XX веке занимала приниженное положение. В то же время, известны случаи, когда девушки проявляли инициативу в вопросах замужества²⁶⁴. Ярким примером подобного является Мачын нейд (Лесная женщина, лешачка). Она сама выбирает себе охотника в мужа. Тот проходит определенные испытания, после чего она дарует ему успех в промыслах²⁶⁵. Хотя женщины и занимали приниженное положение, и все семьи характеризовались патрилинейностью, известны случаи, когда дети носили фамилию матери, существуют даже упоминания отчеств, производных от материнского имени. Вместе с тем, есть свидетельства о том, что после свадьбы муж переходит жить в дом жены. Такое, конечно, не встречалось повсеместно, но имело место быть. Реальная брачная политика селькупов в XIX-XX веках характеризовалась моногамностью. Это связано, в первую очередь, с тем, что женщин репродуктивного возраста было меньше, чем мужчин²⁶⁶.

Традиционно юноши могли вступать в брак с 17 лет, средний возраст жениха был 18-19 лет. К этому времени молодой человек должен был обладать всеми необходимыми для жизни навыками: мог самостоятельно охотиться и рыбачить, ремонтировать и изготавливать снасти, средства транспорта. К этому возрасту юноша становился социально зрелым, то есть усваивал все необходимые нормы для семейной жизни. В семье соблюдалась строгая иерархия, сначала женился старший сын и далее в порядке возрастания. Брачный возраст для девушки 16-17 лет, но известны случаи, когда невестам было 13-14 лет. Невеста также должна обладать необходимым минимумом знаний, но их отсутствие не служило серьезным препятствием для брака, так как в новой семье невесту могли им обучить.

У селькупов выделяются три вида брака: калымный, «с убогом», со свободным партнером.

Наиболее распространенным был калымный брак, он свойственен как северным, так и южным селькупам. Имея в виду нарымских селькупов А.Ф.Плотников писал: «По понятиям инородцев калым есть цена за девушку как за товар»²⁶⁷. Жених выбирал невесту путем гадания, в которых участвовал шаман. Убедившись, что невеста подходит, жених приступает к сватовству. Как уже говорилось выше, чаще всего в роли свата выступал дядя жениха. Сватовство чаще всего проходило весной (период после окончания ледокола и до появления комаров). Нарымские селькупы, приехав сватать невесту, останавливались у своих дальних родственников либо знакомых. Жених не участвовал в сватовстве, его цель была лишь увидеть невесту.

²⁶⁴ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 65 – 68.

²⁶⁵ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.199.

²⁶⁶ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). – Новосибирск, 1984. С. 70.

²⁶⁷ Плотников А.Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1991. С. 76.

Обряд сватовства заключался в следующем. Жених укладывал в котел подарки для родителей невесты. «Подарки состояли обычно из отрезов бархатной и хлопчатобумажной ткани, платьев, рубашек, шкур пушных зверей, связок бус. К ткани могли привязывать деньги. Сват (сваты) молча появлялся в чуме у родителей невесты и ставил котел у ног отца девушки. Оставив котел, сват уходил». Если отец оставался недоволен подарками, то они были возвращены к чуму жениха, который либо заменял их, либо увеличивал их количество. Это могло повторяться несколько раз, отец невесты и сваты не разговаривали в это время.²⁶⁸ Размер калыма у южных селькупов варьировался от 10 до 100 рублей.²⁶⁹ В отличие от северных селькупов, у которых натурализованный калым выплачивался, в основном оленями, нарымские селькупы платили пушниной, комплектами русской одежды, скотом. Размер калыма зависел как от ее личных качеств, так и от социально-экономического положения ее семьи, отдельно оценивалось наличие у невесты добрачных связей, если их не было, то жених доплачивал ее родителям. Известны случаи, когда жених, в силу материального положения, не мог сразу отдать весь калым. В такой ситуации плата делилась на несколько лет²⁷⁰. Это могло проявляться в виде колыбельного сговора, когда отцы новорожденных мальчика и девочки заключали между собой соглашение поженить детей, когда те подрастут. Иногда это были не груднички, а дети 2-3 лет или же подростки. Мнения жениха и невесты не учитывалось, так как договор был сильнее этого²⁷¹. Однако нарымские селькупы при сватовстве оговаривали невозможность венчания в церкви до полной выплаты калыма²⁷². Приданное невесты было меньше калыма.

У нарымских селькупов приданное состояло из утвари, одежды, скота, иногда денег. После заключения брака приданное становилось собственностью мужа, переходило в хозяйство семьи. Калым же не возвращался мужу в случае смерти жены, но при разводе муж мог получить его назад, в случае, если причиной развода стали нелицеприятное поведение женщины. Женщина же была практически лишена возможности расторгнуть брак, так как она, по сути, была куплена мужем, а значит, находилась в его собственности. Родители не поддерживали женщину в вопросе развода, но, если она все же решалась на такой шаг, муж оставлял все имущество себе²⁷³.

Свадьба, как праздник, начиналась в чуме родителей невесты, а заканчивалась у жениха. Об этом событии всех оповещали еще во время сватовства. На селькупской свадьбе

²⁶⁸ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 89 – 91.

²⁶⁹ Плотников А.Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 76.

²⁷⁰ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 72.

²⁷¹ Там же. С. 75.

²⁷² Плотников А.Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С.76.

²⁷³ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 74.

всегда было много людей, особое место, конечно, занимал шаман. Случалось, что селькупский шаман по разным причинам не мог присутствовать на торжестве, в таком случае, приглашали шамана из эвенков, кетов или хантов. В качестве свадебного наряда у невесты было платье обычно покроя, по возможности, новое, на нем присутствовали латунные украшения, такие же украшения были и в прическе невесты. В день свадьбы невеста сидела в родительском чуме, лицо было закрыто шалью. Жених, которого вносили в чум два друга, на своеобразных носилках, сделанных из сомкнутых рук, должен был белым платком, обвести вокруг головы невесты, после этого ритуала, жених вешал этот платок на один из шестов чуме, только тогда он мог приблизиться к невесте. Он садился рядом с девушкой, и мать покрывала их одной шалью с головы невесты, далее молодые должны были выпить одну чашку чая на двоих. Затем невеста снимала шаль с головы, и они присоединялись к гостям, которые принимались одаривать молодых. Родители давали наставления дочери, особенно подчеркивая необходимость подчинения мужу. Возле чума проходили игры, в которых участвовали и дети, и взрослые. На свадьбе играли на музыкальных инструментах и пели. Из угощений гостям предлагали, как традиционную пищу, так и покупные продукты, из напитков - водка, чай, иногда, какие-либо хмельные напитки из мухоморов и можжевельника. По обычаю, первыми должны были угоститься старшие, нарушения этого правила каралось. В заключении праздника выступал шаман с предсказаниями для новобрачных, а потом и для гостей²⁷⁴.

Выше упоминалось, что нарымские селькупы венчались в церкви, по их представлениям, это узаконивало брак. Но весь успех венчания зависел от доброй воли шамана, поэтому не пригласить шамана на свадьбу – навлечь на себя несчастья²⁷⁵.

К началу XX века большую распространенность получил брак с «убегом». «В последнее время у томских самоедов женихи... часто вовсе не засватают невест, а уговаривают их бежать от родителей и увозят к себе... Похищение невесты происходит с ее согласия.»²⁷⁶. По договоренности с невестой, жених подъезжал к ее селению, невеста выходила и они сбегали. Иногда жених приходил в дом родителей невесты, но не за тем, чтобы сватать ее. Он появляется в доме в качестве гостя, поил родителей алкоголем, а когда те потеряют бдительность, забирал невесту. Иногда могли украсть и замужнюю женщину, при условии, что у нее не было детей. Родители пытались догнать молодых, но им это редко

²⁷⁴ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. С. 108 – 112.

²⁷⁵ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. С. 117.

²⁷⁶ Воронов А.Г. Юридические особенности остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. // Зап. РГО по отделению этнографии, 1900. Т.18.С.11.

удавалось, если жених успел привезти невесту в свой чум, то ее родители уже не пытались вернуть дочь.

Правда, бывали случаи, когда отец не терял надежду получить калым за дочь. Через неопределенное время молодые еду к родителям невесты просить прощения. «Молодой приезжает «прощаться» к тестю с женой, родителями своими и дружкой, который и ведет переговоры, угощает хозяев вином. Тесть запрашивает большой калым, и дружка несколько раз бежит от него к молодым, которые до примирения остаются у кого-либо из знакомых, а при отсутствии знакомых в юртах невесты – на улице»²⁷⁷. Обычно отец принимал подарки, ждал пока молодые просят у него прощения и благословлял их брак. За этим следовал праздник примирения. Бывали случаи, когда отец не желал прощать молодых.

В таком случае жених мог еще повторить попытку, если же тесть упорствовал, то попытки прекращались²⁷⁸. Иногда девушку похищали помимо ее воли, обычно, она смирялась со своей участью. Однако, бывало, что девушка возвращалась в отцовский дом, не желая жить с похитителем²⁷⁹.

Основной целью брака «с убегом» было избежать уплаты калыма. Часто это было из-за социально-экономического положения семьи жениха. Помимо нежелания выплачивать калым, были и другие факторы. К примеру, жених опасался, что девушку не выдадут за него из-за каких-то личных качеств: недостаточно красив, отдаленность его селения от юрт невесты и другие. Другое важное отличие этого брака от калымного в том, что здесь невеста знала за кого выходит замуж, и обычно это происходило с ее согласия, в то время, как в браке с уплатой калыма мнение невесты не учитывалось²⁸⁰. Постепенно процесс похищения, погони и «прощения» вошел в ряд обрядов, такая совокупность стала обязательна для данного типа брака. На свадьбах у русских тоже часто встречается традиция похищения невесты, за которым следует выкуп. Другое дело, что в современности эта традиция носит скорее шуточный характер.

Другой тип брака, получивший широкое распространение у нарымских селькупов, это брак со свободным выбором партнера. Такой вид брака является, по мнению исследователей конца XIX века, ярким примером того, что селькупы имели тенденцию к обрусению. Так, к примеру, Б. Шостакович говорил, что у инородцев, живущих по Оби и ее притокам можно встретить и корову, и возделанный огород²⁸¹.

²⁷⁷ Там же. С. 11 – 12.

²⁷⁸ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 76 – 77.

²⁷⁹ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. С. 120.

²⁸⁰ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 78.

²⁸¹ Шостакович Б. Промыслы Нарымского края. Омск, 1882, кн.4. С.8.

При свободном браке сватовство шло в два этапа. На первой стадии сам жених или же его дружки добиваются согласия невесты. Девушка обычно к этому моменту была знакома с женихом, но случалось, что она видела его впервые. Сразу невеста не соглашалась, а давала себя уговорить, иногда этот процесс затягивался на целый день. Если же невеста все-таки не дала положительный ответ, то дружки могли повторить попытку. Иногда, чтобы достигнуть результата, прибегали к помощи шамана, который с помощью магии пытался повлиять на невесту. Получив согласие невесты, переходили ко второму этапу сватовства. Невеста вместе со сватами шла в дом своих родителей. Там она поочередно подходила к отцу и матери, кланялась им в ноги, если родители при этом оставались на своих местах, это означало, что они благословляют брак. В случае их несогласия они отходили в сторону. Сваты сообщают жениху о результате. После этого устраивалось просватанье в доме невесты, на торжестве присутствовали родители, родственники и гости невесты, со стороны жениха были только родители.

После торжества, невеста еще около двух недель жила в родительском доме, готовя себе приданное. После этого праздновался девичник, где невеста веселилась и танцевала с другими парнями. На следующий день свадьбу справляли в доме невесты, на праздник приглашались гости с обеих сторон. Расходы на свадьбу брала на себя сторона невесты, но нередко и родственники жениха помогали материально. Невесте полагалось быть грустной и плакать. При выходе за ворота отчего дома невесте расплетали косу, это символизировало окончание незамужней жизни. «Утром следующего дня происходило венчание в церкви по христианскому обряду. Жених был одет по русской сельской моде: черный костюм, розовая рубаха, сапоги, невеста – в длинном голубом или розовом платье, с фатой и прикрепленными к ней бумажными цветами; обувь соответствовала времени года – ботинки летом или валенки зимой». Далее торжество проходило уже в доме мужа. Вечером молодые ложились спать в отдельном помещении, дружки охраняли их покой за дверьми. На утро сваха проверяла сохранила ли невеста невинность до свадьбы, убедившись в ее непорочности спешила сообщить это всем гостям. Невеста получала подарки со стороны своих родителей и со стороны родителей жениха. Свадебные празднества продолжались еще несколько дней, продолжительность зависела от материальных возможностей семьи²⁸².

Такой тип брака был во многом сходен с браком русских. Это вполне объяснимо. Нельзя забывать, что нарымские селькупы и русские на XIX-XX век находились в постоянном контакте. Это связано с общей территорией проживания, нередкими брачными связями и рядом других факторов.

²⁸²Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 122 – 125.

При заключении браков северные алтайцы придерживались обычая экзогамии, к примеру челканцы рода шалганну отдавали своих дочерей только замуж за юношей рода шакшылу²⁸³.

Юноши у кумандинцев обычно вступали в брак в 14-16 лет, девушки – в 13-15 лет. У кумандинцев наиболее распространенной формой был брак с убогом. Также известны случаи колыбельного сговора. В свадебном обряде мог участвовать шаман или старейшина. Праздник, а именно свадебный пир у кумандинцев проходил в усадьбе жениха. Предварительно во дворе жениха сооружали ритуальный шалашик, где невеста вместе с подругами проводила ожидания церемонии, во время подготовки к которой подруги расплетали косу невесты и заплетали волосы в две косы²⁸⁴. Такая смена прически, вероятнее всего, означала переход невесты из сеока родителей в сеок мужа, то есть косы говорят о принадлежности девушки к двум родам.

У северных алтайцев был распространен обычай кражи невесты. «Жених, подговоривши невесту и получив у нее в задаток платок, по взаимному условию приезжает за ней ночью на хорошем верховом коне, в сопровождении холостых молодых людей»²⁸⁵. Невесту увозят в улус жениха, где подготавливают супружеский одах – сооружение из 9 длинных тонкоствольных березок, связанных между собой так, чтобы получилась форма шалаша, далее с помощью веревки крепят бересту, оставляя лишь вход. Жених с невестой входят в одых, где мужчина должен первым делом развести огонь, а невеста подарить всем присутствующим по медному кольцу. Через три дня бересту снимают с шалаша и относят в лес. Следующим этапом свадебной обрядности является байга – пир по поводу вступления в брак: день празднуют у жениха, четыре – у родителей невесты. Через 5-10 дней молодые и родственники жениха отправляются к семье невесты, чтобы помириться с родителями и договориться о калыме. «Воров встречают с плетью, которою хотя не бьют, но страшат». Бывает, что весь калым родители невесты отдают в приданное дочери, в иных случаях жених предлагает очень высокий выкуп за невесту. Это не всегда хорошо, так как если муж умрет, женщина останется в невольницах у своего свекра, до тех пор, пока не найдется мужчина, который сможет предложить больший калым за нее, а такое случается крайне редко. Обычно свадьбы происходят весной. Через месяц после кражи невесты устраивается табачная байга, на которой родственники невесты дарят родственникам жениха папуши табака. Мясная байга с закланием коровы или быка по времени происходит в зависимости от материальных

²⁸³ Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 480.

²⁸⁴ Назаров И.И., Функ Д.А. Кумандинцы. Общественный уклад и семейная обрядность// Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 336.

²⁸⁵ Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоирея В.И.Вербицкого/ под ред. А.А.Ивановского. М., 1893. С. 84.

возможностей родственников. На последней байге закладывают лошадь. Байга – это большой праздник, где все гости поют, танцуют, играют в различные игры и веселятся²⁸⁶.

Празднование свадьбы могло продолжаться несколько дней подряд, после угощения начинались развлекательные игры. Это характерно для брака по «колыбельному сговору». «Первым этапом мирного решения вопроса о намечаемом браке являлось сватовство. Если вопрос о согласии родителей решался положительно, и жених был готов тут же выплатить оговоренный размер калыма, девушка переезжала к нему в дом; если выплата калыма растягивалась на какой-то срок, то – после полной выплаты. Сватовство представляло собой четко расписанный ритуал с заранее известными ролями родителей девушки и сватов, гостей и самих молодых. Например, проезд сватов к дому девушки обязательно должны были преграждать жители данного аула/селения, троекратно требовавшие от сватов выкуп аракой: при въезде в селение “за пень”, за проезд через ворота и при въезде во двор»²⁸⁷.

В случае плохого обращения с женой, последняя могла обратиться за помощью к зайсану, который должен был дать развод. «Зафиксированы также случаи, когда кумандинки не желавшие жить со своими мужьями, принимали христианство и получали развод, основываясь на том, что христианка не может жить с язычником. В случае развода дети оставались с отцом»²⁸⁸.

Свадебная обрядность селькупов и северных алтайцев сходна. Автор не описывает подробно виды браков северных алтайцев, в силу того, что они практически поностью дублируют селькупские. Отличия существуют, в основном, только в некоторой обрядности. Так, к примеру, северные алтайцы на байге закладывают лошадей, у селькупов подобной традиции не существовало, так как в изучаемый период коневодство было развито слабо.

Погребальная обрядность. Из археологических данных мы знаем, что у селькупов были захоронения двух типов по горизонту погребения: захоронение в грунтовых могилах и укладывание покойника на поверхности земли с возведением насыпи над ним. Погребальная обрядность же в свою делится на трупоположение и трупосожжение. Г.И.Пелих отмечает, говоря о захоронении селькупов, что этнографические и археологические данные могут быть противоречивы. Как доказательство она приводит тот факт, что известны случаи сочетания грунтового и наземного погребения: «Традиционные обычаи, связанные с данным типом захоронений, начинали действовать, как только селькупы убеждались в том, что человек умирает, и шаман ему помочь не может. Умиравшего стаскивали с нар на земляной пол.

²⁸⁶ Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / Под ред. А. А. Ивановского. Горно – Алтайск, 1893. С. 84 – 86.

²⁸⁷ Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 481.

²⁸⁸ Назаров И.И., Функ Д.А. Кумандинцы. Общественный уклад и семейная обрядность// Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 336.

Человек должен был умирать на земле, чтобы «могильная душа» «чувствовала землю». Если же человек умирал почему-либо в других условиях, то его «могильная душа» (кэдо) могла остаться в этом мире, и покойник становился «еретником»²⁸⁹. Кроме этого, иногда «могильная душа» может не покинуть землю, а превратиться в духа-помощника шамана.

Изображение духов-помощников могли быть в виде металлических фигурок различной формы. Часто изображения были зооморфные²⁹⁰. Шаманские костюмы часто украшали лозами в таком виде. Семейные духи-лозы изображались в виде антропоморфных деревянных или металлических идолов, которые на момент XX века имела почти каждая семья. Каждый мужчина имел собственного духа-хранителя. Его изготавливал и освящал шаман. Духа одевали в одежду, которую должна была сшить непорочная девушка. Далее она же должна была изготовить для него берестяную коробку, в которой он хранился, коробка, в свою очередь, находилась в чулане, в котором, кроме духа и его жертв, ничего не могло находиться. Ни один женатый мужчина, ни одна замужняя женщина не могли зайти в этот чулан. И если охотник нуждался в помощи духа, то он просил своего холостого родственника принести дары. На начало XIX века считалось, что дарами являются все возможные ленты, шкурки пушных зверей, бусины и бисер, платки и суконные лоскутки. Со смертью человека, заканчивалась жизнь и лоза, дух-хранитель выбрасывался в реку²⁹¹.

Г.И. Пелих от жителя юрт Варгананжино, что находятся на р.Тым, записан факт важности выполнения воли покойного. А.Ф. Пычкин говорил, что покойники под землей живут, но если не похоронить человека там, где он завещал, то он может вернуться и будет мстить обидчикам. По легенде такая ситуация была в районе Компаса, где находилось старинное селькупское кладбище²⁹².

Типичными традиционными элементами погребального обряда оказались устройство деревянной обкладки, покрытие и обёртывание покойного в бересту/ткань, захоронение на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Так, наземный способ погребения, по мнению Л. А. Чиндиной, был отличительной чертой обряда селькупов, а не тюрков, как считал А. П. Дульзон, тургайские же некрополи проявляли значительное сходство с погребальным обрядом кетов и тюрков²⁹³. Относительно некрополей существует мнение, отчасти подтверждаемое и этнографическими источниками, о том, что до прихода русских местное

²⁸⁹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.61.

²⁹⁰ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187.

²⁹¹ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187 – 188.

²⁹² Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 334 – 335.

²⁹³ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С.20.

население устраивало кладбища в недоступных местах, по берегам рек и стариц, в борах, куда труп покойного доставляли обязательно по реке. После контактов с русскими и под влиянием христианского обряда, могильники стали устраивать рядом с жилыми посёлками²⁹⁴. По нашим данным, полученным в 2013 году в ходе экспедиции «Сокровища реки Тым», известно, что в с. Неготка кладбище располагалось на берегу реки, и, когда в пятидесятые годы берег начал обваливаться, оттуда посыпались кости, черепа и развевались волосы, помимо этого местные дети часто находили здесь кусочки керамики²⁹⁵.

А.И. Боброва дает такое определение погребально-поминальному обряду: это исторически сложившаяся система признаков, характеризующаяся устойчивым повторением комплекса групп элементов, объективно отражавшая некогда существовавшую реальность, связанную с традицией. Тип является подвижной и развивающейся системой, претерпевающей определённые изменения: одни её элементы со временем утрачивались или были трансформированы, другие были приобретены. Обособленность от других аналогичных систем осознавалась их создателями.

По комплексу групп элементов выделены четыре типа погребально-поминального обряда: чулымско-кетского, обского, обско-чулымского, тымского. Реально имевший место, каждый из них не сохранялся неизменным: некоторые элементы с течением времени были утрачены или оказались трансформированными, приобретались новые черты²⁹⁶.

Р.А.Ураевым были опубликованы материалы экспедиции 1956 года, из них следует, что кладбища (кага) у тымских селькупов были общинные, с разделением внутри на семейные. Семейные погребения обычно расположены рядом. Покойника (кумба) одевают в ту одежду, что была на нем: чирки на ноги, платье (если женщина), шуба. Сверху зашивают в оленью кожу. Гроб не делают. Могилы копают неглубоко, не более одного метра. Покойника кладут головой на восток, лицом вверх к солнцу. Из вещей часть кладут сверху, часть – в могилу. Охотнику обязательно кладут ружье, котелок и пр. вещи портят, чтобы покойник знал, что он уже не на этом, а на том свете. Руки покойника кладут на грудь и завязывают веревкой, ноги тоже завязывают. Подобное действие можно встретить у христиан, поэтому можно предположить, что селькупы переняли этот обычай у русских.

Если покойник недоволен чем-то, то его душа ходит вокруг дома несколько дней. Это бывает, когда ему положили не все, что ему принадлежит. Покойник может вредить семье. Иногда даже взять одного из членов семьи с собой. Когда же человека хоронят, то над

²⁹⁴ Там же. С. 26.

²⁹⁵ Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013.

²⁹⁶ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 36 – 40.

могилой пьют чай и умершего тоже угощают, говоря: «Последний раз чаю попьем вместе. Прощай. Что у тебя было из вещей, все положили, не обижай нас!». Г.И.Пелих от жительницы с.Напас М.Арнянгиной было записано, что первые поминки устраивали через 4 дня после похорон. С собой приносили на кладбище низкий деревянный столик, мясо и водку. Столик ставили рядом с могилой, раскладывали на нем мясо, наливали в кружку водку и ждали некоторое время, «пока он поест». Потом садились и ели сами. Покойнику все время наливали в кружку водку, наравне с живыми, и лили ее на могилу. Уходя, оставляли на могиле кружку с водкой и два куска мяса (один - на могиле, другой - рядом). Можно предположить, что данный элемент обряда селькупы заимствовали у русских. Известно, что коренные народы Сибири не употребляли водку до прихода русских. И потом их знакомство с этим напитком имело печальные последствия, многие спились и умерли. Если же говорить о моменте поминок на кладбище, то этот факт так же характерен для русскоязычного населения. Так, к примеру, в с.Каргасок (Томская область) на кладбище в оградках часто можно увидеть деревянные столы, где и происходят поминки на Родительский день или же во время похорон.

Вторые поминки устраивали через полтора месяца. Если кладбище было далеко от деревни, то поминки можно было справлять дома²⁹⁷. Поминки справляют через год. Говорят, что через год дух приходит к покойнику. Чай греют и разговаривают с покойником: «Вот встретились мы с тобой опять, долго ты не был, теперь я от тебя уйду совсем далеко».

Покойник может предсказать судьбу человека. Для этого надо в первую ночь после захоронения сходить на могилу покойника. Он тогда может из-под земли сказать, сколько лет ты будешь жить и какое у тебя будет счастье и т.д.²⁹⁸.

Археологам известны случаи ярусного захоронения, специфическими признаками обряда являются подхоранивание в виде ярусов, сопогребение мужчины и собаки (взрослой особи), сопогребение женщины и водоплавающей птицы, погребение с «куклой» - иттерма, присутствие захоронения с шаманским комплексом вещей, оставление металлических антропоморфных личин на одной из могил.²⁹⁹

Г.И. Пелих на р. Кеть был записан обряд захоронения шамана. Погребения такого вида имели название «кегел-марге». «Для этого выбирали крепкую толстостовольную лиственницу. Ее ствол слегка подпиливали вверху и внизу (по росту шамана) и откалывали тонкий внешний слой ствола. Старались как можно меньше повредить дереву, чтобы оно

²⁹⁷ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.62.

²⁹⁸ Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко – архитектурного музея. Т. 7. Томск, 1994. С. 74 – 78.

²⁹⁹ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 49.

осталось живым. Выдалбливали часть сердцевины, ставили в дерево труп шамана, закрывали его отколотым ранее пластом и забивали гвоздями. Если дерево оставалось живым, то кора зарастала. И никто не мог даже догадаться, что в этом дереве стоит труп шамана (его ставили в полном шаманском облачении: парка, нагрудник, корона, пимы)»³⁰⁰.

Обычай захоронения в дереве встречается в культуре северных селькупов, где собственно дерево представляется как некий проводник между мирами. Так если новорожденный умирал до появления зубов, то его хоронили в стволе дерева. В одном случае ребенка хоронили в дупле дерева. «Простукивая топором деревья, находили такое, у которого намечалось образование дупла, т.е. внутри ствола уже была полость». В этом месте вырубалась часть ствола, туда помещали тело ребенка, завернутое в тряпки, тело помещалось в стоячем положении. Отверстие закрывалось вырубленной крышкой, которую прибивали к дереву, закрывая труп. На дерево вешали или оставляли рядом сломанную колыбельку и какие-то вещи умершего.

Другой вариант захоронения – это захоронение в пне, специально срубленного дерева. В пне вырубалось прямоугольное отверстие, туда помещался завернутый в ткань труп. Отверстие закрывалось досками и забивалось деревянными шпильками или гвоздями. Сверху вбивался железный предмет и привязывалась ткань куски белой ткани. Кроме младенцев так хоронили и выкидышей, которые, по представлениям селькупов, потом становились лозами³⁰¹.

Помимо шаманских погребений, упоминаний о захоронениях на деревьях у южных селькупов нет.

Известно, что у челканцев встречались захоронение (на деревьях) при котором тело умершего заворачивали в бересту³⁰². Кумандинцы в бересте хоронили маленьких детей, подвешивая тело на дерево. Шаманов и некоторых самоубийц хоронили путем сжигания тела вместе с гробом, огонь должен был помочь покойным отчиститься от грехов³⁰³. После похорон челканцы не ходили на могилу к умершему, так как полагали, что такие походы привлекают злых духов³⁰⁴. На начало XX века известно об участии шаманов в похоронах, однако камлал он там не с бубном, а с веткой. У кумандинцев шаман был должен напустить туман на «душу», чтобы та не могла разглядеть камлающего и не смогла вернуться на

³⁰⁰ Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, ТГУ, 1998. С.78.

³⁰¹ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 133 – 135.

³⁰² Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 483.

³⁰³ Назаров И.И., Функ Д.А. Кумандинцы. Общественный уклад и семейная обрядность// Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 367.

³⁰⁴ Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 483.

землю³⁰⁵. Кумандинцы считали, что каждый человек обладает жизненной силой (кут), которая после смерти человека остается на земле некоторое время (7/9/40 дней), по истечении отведенного времени она либо отправляется в иной мир для последующего возрождения в потомках, либо навсегда остается на земле за совершенные грехи в качестве озлобленного существа³⁰⁶.

Тело покойного чаще всего хоронили в гробе-колоде на третий день. К середине XIX века основным способом захоронения стало погребение в земле. Гроб укладывался в могилу головой на запад. Существуют сведения о наличии родовых кладбищ³⁰⁷.

Кумандинцы совершали поминки на 7й, 9й, 40й день и через год после смерти. Шаман при камлании вызывал дух умершего и кормил его через огонь, прося отправиться в мир мертвых. Шаман в этом случае выполнял роль проводника между мирами³⁰⁸. Семья умершего в течение года соблюдала траур, запрещающий устраивать праздники, жениться, строить новый дом и покупать домашних животных³⁰⁹.

К сожалению, на настоящий момент погребальная обрядность северных алтайцев изучена совсем мало, поэтому автор не может провести полноценное сравнение ее особенностей с селькупской. Однако можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее существенной деталью селькупских погребений являются четыре столба по углам могильной ямы, служащие опорой перекрытия могилы. На Алтае вертикальные столбы были зафиксированы при раскопках курганов с камерами – срубам пазырыкского этапа (V – III вв. до н.э.), а также шибинского этапа (из-за величины усыпальниц число столбов достигла 6.)

2. Выдалбливание колоды-гроба, зафиксированное при исследовании погребального обряда селькупов, было, как известно, характерно для погребального обряда пазырыкского Алтая.

3. В селькупских погребениях в перекрытии могилы находится слой бересты. Береста в перекрытиях, часто залегающая купольным слоем, была встречена в познетагарских погребениях и в курганах пазырыкского времени на Алтае.

Автор считает неуместным делать выводы об общем происхождении на основании сравнения традиционной обрядности. Сходства, безусловно, существуют, однако если обратиться к этнографической литературе и найти информацию о семейной обрядности соседствующих народов, то и там можно будет легко обнаружить сходные черты, которые

³⁰⁵ Назаров И.И., Функ Д.А. Кумандинцы. Общественный уклад и семейная обрядность// Тюркские народы Сибири. М., 2006. . С. 367

³⁰⁶ Там же. С. 366.

³⁰⁷ Там же. С. 367.

³⁰⁸ Там же. С. 367

³⁰⁹ Там же. С. 367.

нельзя принимать за доказательство родства. Этот факт является доказательством, что семейная обрядность не может служить достоверным маркером для установления этнического субстрата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Селькупы и северные алтайцы в изучаемый период проживали на соседствующих территориях. Возможно, это послужило основанием для возникновения гипотезы южного происхождения селькупов. Традиционно считается, что автором гипотезы является М.А. Кастрен, однако существуют сведения, что она возникла ранее. Тем не менее доподлинно известно, что в XIX веке проблема определения происхождения селькупов уже стояла перед этнографическим научным сообществом. В первой главе настоящей работы автором были рассмотрены существующие на сегодняшний день этногенетические гипотезы. Относительно происхождения селькупов мнения исследователей расходятся: первые считают, что самодийцы пришли с предгорий Алтая, вторые склонны считать селькупов автохтонным этносом. Гипотез, отрицающих самодийское происхождение северных алтайцев, автор не встретила.

Вторая глава посвящена сравнительному анализу некоторых элементов материальной культуры и хозяйственной деятельности нарымских селькупов и северных алтайцев. Автором были выделены маркеры, по которым проводилось сравнение. В хозяйственной деятельности – это рыболовный, охотничий инвентарь, жилище, объекты собирательства, в материальной культуре – пища, пищевые запреты, национальный костюм. Проведенный сравнительный анализ показал следующие результаты:

1. Рыболовный инвентарь нарымских селькупов и северных алтайцев сходен. В условиях совершенной неразвитости рыболовства у алтай-кижи, можно говорить о наличии иного этнического компонента, которому был бы присущ данный способ хозяйствования. Проведенное сравнение доказывает, что, вероятнее всего, здесь наблюдается сохранение самодийских традиций.

2. Проведенное сравнение выявило, что охотничий инвентарь у изучаемых народов практически полностью совпадает. Это связано с тем, что объектами охоты, в большинстве своем, выступали одни и те же животные. Охоту на пушного зверька представители обоих народов вели с целью получения меха либо для изготовления одежды, либо на продажу. На копытных животных охотились для добычи мяса. Таким образом, несмотря на имеющиеся различия, сходства преобладают. Этот факт может говорить о наличии самодийского субстрата у северных алтайцев.

3. Собирательство играло значительную роль в хозяйствовании обоих народов, селькупы и северные алтайцы собирали практически всегда одни и те же природные дары. Однако автор полагает, что этот факт не может считаться достоверным свидетельством общего прошлого изучаемых народов. Такое сходство объясняется похожими природно-

географическими условиями, и если обратиться к собирательству других близ живущих народов, то, вероятнее всего, можно будет обнаружить и у них такие же объекты собирательства, что, конечно, не может свидетельствовать об их родстве со всеми соседствующими этносами.

4. Именно в сравнении жилищ определение этнического субстрата представляет наибольшую сложность, т.к. здесь в большей мере просматривается влияние природно-географических условий. Наиболее интересным сходством, выявленным при сравнении жилищ, представляется наличие у обоих народов промысловых построек «балаганов» и полуземлянок «карамо». Бытования «балагана», как временного промыслового жилища у нарымских селькупов представляется странным, в силу сурового климата местности и ненадежности такого сооружения в защите от ветра и холода. Полуземлянка, как промысловое жилище, хорошо известна на территории Нарымского края, в ходе работы было выяснено, что такое жилище существовало и у северных алтайцев. Автор не встречала описания подобных жилых построек у тюркских народов, и склоняется к мнению, что это может быть характерной особенностью именно самодийцев, а значит может подтвердить самодийское происхождение челканцев, тубаларов, кумандинцев.

5. Сравнительный анализ национальной кухни показал, что существуют значительные сходства. Интересным представляется наличие такого нехарактерного для алтайцев продукта, как рыбная мука. В изучаемый период большое влияние на северных алтайцев оказывала тюркская культура, в которой не предусмотрено использование рыбной пищи. Таким образом, выявленная особенность служит доказательством сохранения северными алтайцами самодийских традиций.

6. В традиционной одежде изучаемых этносов были выявлены сходства, которые могут свидетельствовать об общем происхождении этих народов. Первое, это шуба из сборного меха, нехарактерная для селькупов, живущих в суровых климатических условиях, однако бытовавшая на территории Нарымского края еще в начале XX века. Подобная технология изготовления одежды известна на территории Горного Алтая, но в более ранний период. Такой факт является существенным аргументом против автохтонности селькупского этноса. Второе – это наличие у южных селькупов распашного халата (каймы) не характерного ни для северной группы селькупов, ни для соседей, проживающих в Нарымском крае. Зато такая одежда известна у северных алтайцев, вероятнее всего, это может служить подтверждением гипотезы южного происхождения самодийцев.

В третьей главе настоящей работы автор рассматривает духовную культуры нарымских селькупов и северных алтайцев. Здесь в качестве маркеров для сравнения выступают мифологические представления и традиционная обрядность. Проведенное

сравнение дало следующие результаты. Сходства и в мифологических представлениях, и в традиционной обрядности существует. Однако автор считает, что проведенные аналогии не могут служить свидетельством общего происхождения. К примеру, точно такие же виды брака можно наблюдать практически у всех сибирских народов, но это не может являться основанием для решения этногенетического вопроса. То же самое можно сказать и о мифологических представлениях. Автор солидарна с точкой зрения А.М. Сагалаева о том, что общего в мифологических сюжетах урало-алтайских народов существенно больше, чем особенного, но это не позволяет делать выводы об их родстве³¹⁰.

Вернемся к цели работы. Целью работы является выявление в культуре селькупов и северных алтайцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями. Сравнительный анализ проведен, сходные элементы выявлены.

Подводя итог работе необходимо отметить, что сравнение аспектов материальной культуры оказалось более результативным, чем духовной. Духовная культура более подвержена влиянию человеческого фактора, поэтому мифологические сюжеты, вероятнее всего, претерпели изменения. Какие-то элементы обрядности людям свойственно заимствовать у других народов. В материальной же культуре лучше прослеживаются архаичные черты. В северных районах Томской области население до сих пор использует те же рыболовные, охотничьи снасти, готовят еду в соответствии с древними рецептами.

Автор не может утверждать, что данная работа решила вопрос о происхождении селькупов. Однако она, безусловно, может послужить основанием для дальнейших более глубоких исследований, которые, возможно, смогут поставить точку в многолетнем споре.

³¹⁰ Сагалаев А.М. Урало – алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Вещественные источники

1. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2110.
2. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2113.
3. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2120.
4. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2129.
5. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2135.
6. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6327 а.
7. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6327 б.
8. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6952.
9. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6953.
10. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6954.
11. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6955.
12. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6957-3.
13. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6957-4.
14. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6957-5.
15. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6957-6.
16. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7374.
17. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7399-3.
18. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7399-6.
19. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7399-8.
20. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7461.
21. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7459-1.

Путевые заметки

22. Доннер К. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. – Томск: «Ветер», 2008. – 176 с.
23. Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849 гг.) // Магазин землеведения и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Географический сборник Николая Фролова – М., 1860. Т.6. Ч. 2. – 495 с.
24. Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849) / Под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
25. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIIIв. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Подготовка к изданию: А.Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – С. 172-186.

26. Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану/ пер. Н.А. Кострова. – Томск: Типогр. Губерн. Правления, 1881. – 95 с.

27. Радлов В.В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989. – 718 с.

Отчеты и записки миссионеров

28. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. – Горно-Алтайск, 1893. – 270 с.

29. Вербицкий В.И. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Том. епарх, ведомости. 1888. С. 19-22.

Статистические данные.

30. Бельгибаев Е.А. Этнодемографическая характеристика коренного населения Лебедской волости Бийского уезда по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года / Е.А. Бельгибаев, В.В. Николаев // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. – Новосибирск, 2013. – С. 303-308.

31. Нагнибеда В.Я. Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды (с приложением карты и фотографических снимков). – Томск, 1927. – 640 с.

32. Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). – Т. 1. Вып. 4. – Красноярск, 1928. – 55 с.

33. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – СПб., 1911.

34. Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк / сост. А. Ф. Плотников. – Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума, 1901. – 366 с.

Документальные источники

35. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. – Томск: Государственный архив Томской области, 2006. – 446 с.

Изобразительные источники

36. Каталог этнографических фотографий И. С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. – Томск, 2004. – 106 с.

37. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт.-сост. А. А. Пихновская. – Томск: Ветер, 2007. – 279 с.

38. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб, 1882.

Литература

39. Алексеев В.П. Историческая антропология. – М.: Высш. школа, 1979. – 217 с.

40. Арзютов Д.В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность // Вестник СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2007. – сер.2, вып.1. – С. 240-246.

41. Аткунова Д.А. Национальное возрождение коренных малочисленных дис. ... канд. ист. наук/ Д.А. Аткунова – Томск, 2017. – 21 с.

42. Аткунова Д.А. Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Д.А. Аткунова – Томск, 2017. – 21 с.

43. Бельгибаев Е.А. Традиционное рыболовство таежных групп Алтая / Е.А. Бельгибаев, И.И. Назаров // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып.№10. – С. 164-171.

44. Бельгибаев Е.А. Челканцы. Традиционное хозяйство и материальная культура // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН – М.: Наука, 2006. – С. 472-480.

45. Березовская Н.В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеровский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1992. С. 27-35.

46. Березовская Н.В. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) / Н.В. Березовская, В.Г. Волков, Н.А. Тучкова // Вестник ТГУ. История. – Томск, 2018. – Вып. 54. – С. 128-138.

47. Боброва А.И. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении Нарымских селькупов в конце XVIII – первой половине XIX вв. / А.И. Боброва, А.А. Воробьёв // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. №5. – С.163-171.

48. Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). – Томск, 2016. – С. 7-117.

49. Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 301-321.
50. Боброва А.И. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 254-256.
51. Боброва А.И. Селькупы XVIII – XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. – 176 с.
52. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – 393 с.
53. Васильев В.И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты.Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. /отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – С. 311-316.
54. Волков В.Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2015. – Вып. 4 (10). – С. 109-122.
55. Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2013. – Вып. 1 (1). – С. 79-97.
56. Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. – С. 86-139.
57. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1984. – 155 с.
58. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. – 203 с.
59. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
60. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
61. Головнев А.В. Культура селькупов. Хозяйство / А.В. Головнев, Н.А. Тучкова // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – С. 64-95.
62. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В.М. Кимеев, А.И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.

63. Донкова Л.Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. – Улан – Удэ, 2006. – 35 с.
64. Дочевский И.И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. – Томск, 1898.
65. Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 361–371.
66. Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. – Томск, 1950. Т. VI. – С. 175–187.
67. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов – М., 1960. – С. 289-296.
68. Дыренкова Н. П. Охотничьи легенды кумандинцев// Сб. МАЭ. – М.-Л., 1949. Т. XI. – С. 11-131.
69. Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 167 с.
70. Ким А.А. О традиционной пище нарымских селькупов / А.А. Ким, Д.А. Кудряшева. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности – Томск, 1998. – С. 186-190.
71. Малолетко А.М. Дорусское население Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунаро. научн. конф.– Барнаул: БГПУ, 2008. – Вып. 7. – С. 18 - 21.
72. Малолетко А.М. Самодийцы в Алтае – Саянском регионе (по данным ономастики) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2015. – Вып.9. – С. 32-36.
73. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
74. Мифология селькупов / Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. / Науч.ред. В.В. Напольских. – Томск, 2004. – 382 с.
75. Могильников В.А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 65.
76. Назаров И.И. Кумандинцы // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 324-376.

77. Назаров И.И. Кумандинцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А. – М.: Наука, 2006. – С. 344-365.
78. Назаров И.И. Кумандинцы. Общие сведения // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С.324 - 329.
79. Назаров И.И. Кумандинцы. Хозяйственная деятельность // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А. – М.: Наука, 2006. – С. 329-344.
80. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / В.И. Молодин М.И., Воевода Т.А., Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып.1).
81. Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края – М., 1962. Т. IV. – С.176 – 196.
82. Пелих Г.И. Происхождение и история селькупов: автореф. дис...д-ра ист. наук. – Томск, 1972. – 40 с.
83. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Томского унив-та, 1972. – 424 с.
84. Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1998. – 79 с.
85. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.
86. Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края – Томск, 1955. Т. 14. – С. 225.
87. Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013 г.
88. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 442 с.
89. Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 52-66.
90. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – 320 с.
91. Потапов Л.П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4.– С. 304-313.
92. Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1951. – С. 5-59.
93. Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб., 2001. – 166 с.

94. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. – М. - Л., 1949 - Т. 11. – С. 335-375.
95. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов / Е.Д. Прокофьева // Труды Института этнографии. – Москва; Ленинград, 1952. – Т.23. – С. 88-107.
96. Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. – М., 1956. – С. 605-687.
97. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
98. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.
99. Сайнакова Н.В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Н.В. Сайнакова – Томск, 2018. – 22 с.
100. Сайнакова Н.В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук/ Н.В. Сайнакова – Томск, 2018. – 270 с.
101. Сарбашева С.Б. Тубалары. Хозяйственные занятия и материальная культура / С.Б. Сарбашева, Д.В. Маслов / Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН - М.: Наука, 2006. - С. 498 – 505.
102. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы Алтайского края (историко-этнографический очерк): автореф. дис.... канд. ист. наук. – Л., 1969. – 22 с.
103. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко-этнографический очерк /Ф.А. Сатлаев. – Горно - Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1974. – 199 с.
104. Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1991. – С. 179-218.
105. Славнин В.Д. Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. – Томск, 1991. – С. 86-95.
106. Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 89-117.
107. Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. – СПб., 2007. – С. 182-197.
108. Тадина Н.А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ. Сер. «История». – Барнаул, 2008. – Вып. № 4/2 (60). – С. 178-184.

109. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. "Тюрки по языку, финно-угры по облику": об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск, 2013. – Вып. № 3 (130). – С. 23-27.
110. Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X-XX вв.): монография / А.И. Боброва, М.П. Рыкун, А.Г. Тучков, И.В. Чернова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2016. – С. 165-205.
111. Тучкова Н.А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск, 2013. – С.167-192.
112. Тучкова Н.А. Культура селькупов. Пища и домашняя утварь // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – С. 162-163.
113. Тучкова Н.А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск, 2013. – С.117-153.
114. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп / Н.А. Тучкова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. – 224 с.
115. Тучкова Н.А. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Кошелева, А.В. Головнев, А.В. Байдак, Н.П. Максимова. – Томск, Изд-во ТПУ, 2013. – 318 с.
116. Тучкова Н.А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений// Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2013. – Вып. 1 (1). – С. 97-117.
117. Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. – Тобольск; Омск, 2002. – С. 321–327.
118. Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д-ра ист. наук/ Н.А. Тучкова. – Томск, 2018. – 634 с.
119. Тучкова Н.А. Этногенез селькупов с лингвистических и этноисторических позиций// Вестник ТГУ. История. – Томск, 2018. – Вып. 53. – С. 153-156.
120. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН – М.: Наука, 2006. – 678 с. – (народы и культуры)
121. Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Т. 7. – Томск, 1994. – С. 73-86.

122. Функ Д.А. Тубалары. Общие сведения // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С.491-494.
123. Функ Д.А. Челканцы. Общие сведения // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С.463- 466.
124. Функ Д.А. Челканцы. Семейная обрядность // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С.480-485.
125. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. – Вып. 4 – 72 (2). – М.: Наука, 1971. – 120 с.
126. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. - Вып.№ 58. – С. 136-245.
127. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: Изд-во АН ССР, 1954. – С. 165-192.
128. Чиндина Л. А. У истоков истории селькупов // Северная книга. – Томск, 1993. – С. 47-50.
129. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 184 с.
130. Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – С. 183-184.
131. Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. – Томск: Изд-во Томского краевого музея, 1927. Т. 1. – С. 139-167.
132. Шерстова Л.И. Самодийские этнонимы в социальной структуре и этногенезе народов Северного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. научн. конф. – Барнаул: БГПУ, 2008. – Вып. 7. – С. 45-48.
133. Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. – Томск, 2015. – Вып. № 395. – С. 142-146.
134. Экспедиция ТВ 2. Маннани Пиледэ – родная деревня [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. – Томск, 2018. – URL: <http://tv2.today/Istorii/Manani-pelede--rodnaaya-derevnya> (дата обращения: 13.01. 2018).

135. Экспедиция ТВ 2. Хочешь быть челканцем – в суд! [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. – Томск, 2018. – URL: <http://tv2.today/Istorii/Hochesh-byt-chelkancem--v-sud> (дата обращения: 6.03. 2018).

136. Вы нас даже не представляете [Электронный ресурс] // Селькупы: сохранить как. Большой проект о малом народе. – Томск, 2018. – URL: <https://selkup.space/> (дата обращения: 20.01. 2019).

137. Karafet T. Siberian genetic diversity reveals complex origins of the Samoedic-speaking populations / Karafet T., Osipova L., Savina O., Hallmark B., Hammer M. // American Journal of Human Biology. 2018. P. 1- 14. [Electronic Resource] Wiley online library // – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ajhb.23194> (Access Date: 6. 12. 2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Рис. 2. Промысловый стан, устье протоки Муз. Полевые материалы автора 2013 год.

Рис. 3. Промысловая избушка (карамо). Устье протоки Муз. Полевые материалы автора 2013 год.

Отчет о проверке на заимствования №1

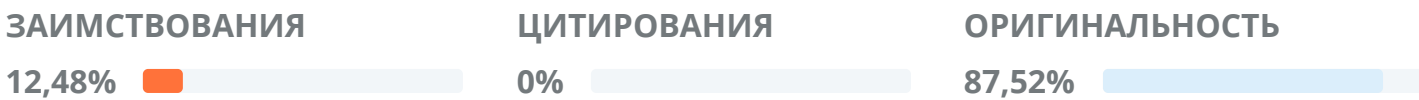
Автор: Сидорова Тамара tamara.sidorova.97@mail.ru / ID: 4212942
Проверяющий: Сидорова Тамара (tamara.sidorova.97@mail.ru / ID: 4212942)
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://users.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 26
Начало загрузки: 09.06.2019 22:29:08
Длительность загрузки: 00:00:04
Имя исходного файла: ВКР. Сидорова Т.А. 031501
Размер текста: 1314 кБ
Символов в тексте: 176806
Слов в тексте: 23493
Число предложений: 2524

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 09.06.2019 22:29:12
Длительность проверки: 00:00:04
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска Интернет

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,98%	3,52%	Этническая история и фольклор селькупов: проблема к...	http://ams.tsu.ru	06 Ноя 2018	Модуль поиска Интернет	64	77
[02]	2,06%	2,49%	http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Kultura%20nar...	http://philosophy.spbu.ru	15 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	46	55
[03]	1,8%	2%	"Происхождение селькупов" (Пелих Г.И.)	http://sati.archaeology.nsc.ru	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	25	29

Еще источников: 17
Еще заимствований: 5,63%